

КРЫМСКОЕ СИДЕНИЕ: ЛЕВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВЫМИ РУКАМИ

В начале 1920 года из Новороссийска в Крым были переброшены почти все части Добровольческой армии (около 25 тысяч человек), значительное количество донцов (около десяти тысяч) и небольшое количество кубанцев, а также некоторые другие мелкие части. В Новороссийске остались почти вся артиллерия, много пулеметов, винтовок, большинство лошадей, запасы амуниции, продовольствия и другого военного имущества.

Остатки Вооруженных сил Юга России были деморализованы. Единственной боеспособной силой в Крыму оставался корпус Слащева, упорно оборонявшийся на перешейках. Он насчитывал 3500 штыков и до двух тысяч шашек и дрался против значительно превосходящих его сил противника.

Отсутствие хлеба, лошадей, горючего и боеприпасов делало длительную оборону Крыма безнадежной.

Между тем в Крыму среди офицеров нарастало недовольство Деникиным и обсуждались различные варианты его замены. М. А. Критский записал рассказ А. П. Кутепова:

«Слащев, одетый в фантастическую форму, им самим придуманную, с блеском в глазах от кокаина, стал пространно рассказывать, что в войсках его корпуса общее недовольство Главнокомандующим. Такое же настроение во всем населении Крыма, в духовенстве, во флоте и даже, будто бы, среди чинов Добровольческого корпуса. Затем Слащев сказал, что 23-го марта предположено собрать совещание из представителей духовенства, флота и населения для обсуждения создавшегося положения и что, вероятно, это совещание решит обратиться к генералу Деникину с просьбой о сдаче им командования. Ввиду же того, что в Крым прибыл Кутепов, Слащев считает необходимым и его участие в этом совещании.

А. П. ответил коротко:

— В настроении Добровольческого корпуса вы ошибаетесь. Я лично участвовать в каком-либо совещании без разрешения Главнокомандующего не буду. Однако придаю огромное значение всему, что вы мне сказали, и немедленно доложу об этом генералу Деникину.

А. П. встал и приказал везти себя в Феодосию.

— С тяжелым чувством, — рассказывал А. П. впоследствии, — я ехал к Деникину. Считал своим долгом... Надо было положить конец всем интригам, заговорам и шептаньям по углам. Ведь это разворачивало армию...

Генерал Деникин выслушал А. П., нисколько не удивился и только спросил его о настроении Добровольческого корпуса.

А. П. ответил, что одна дивизия вполне прочная, в другой настроение удовлетворительное, в двух — неблагополучно. Войска, критикуя наши неудачи, главным образом обвиняют в них начальника штаба Главнокомандующего — генерала Романовского. По мнению А. П., необходимо было принять спешные меры против намеченного совещания и вызвать всех старших начальников для того, чтобы генерал Деникин мог непосредственно выслушать их доклады о настроении войск.

С предложением Кутепова Деникин не согласился. Он счел, что наступило время выполнить свое решение — отказаться от поста Главнокомандующего».

Антон Иванович видел, что устранение Романовского не погасило недовольства, и в нем крепла решимость отказаться от продолжения борьбы. 20 марта (2 апреля) 1920 года Деникин поручил новому начальнику штаба разослать приказ генералам Вооруженных сил Юга России прибыть в Севастополь для выборов нового главнокомандующего. Сам же сказал в заключение: «Мое решение бесповоротно. Я всё взвесил и обдумал. Я болен физически и разбит морально: армия потеряла веру в вождя, я — в армию».

Деникин писал Драгомирову, который должен был председательствовать на военном совете:

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжелый крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование...»

В этот момент Антон Иванович уже понимал, что единственным человеком, который может сплотить армию и заставить ее продолжать борьбу, является его давний антагонист Врангель.

Петр Николаевич между тем собирался вместе с Ольгой Михайловной уехать в Сербию, полагая, что белая борьба закончена.

Как раз накануне отъезда четы Врангелей, 18 марта, британский адмирал де Робек пригласил барона позавтракать на флагманском корабле «Аякс». Врангелю на выходе из посольства вручили телеграмму из Феодосии. В ней сообщалось, что Деникин решил сложить с себя звание главнокомандующего: «Предлагаю прибыть к вечеру 21 марта в Севастополь на заседание Военного совета под председательством генерала от ка-

валерии Драгомирова для избрания преемника главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков — половина (от Крымского корпуса, по боевой обстановке, норма может быть меньше), коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса генералы: Сидорин, Кельчевский и шесть лиц из состава генералов и командиров полков. От штаба главнокомандующего: начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления, а также генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».

Врангель был охвачен противоречивыми чувствами: «Телеграмма показалась мне весьма странной. На службе я уже более не состоял... Я завтракал на “Аяксе”. С большим трудом я поддерживал разговор. Мысли все время вертелись вокруг полученной телеграммы. Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь. В то же время долг подсказывал, что, идя с армией столько времени ее крестным путем, деля с ней светлые дни победы, я должен испить с ней и чашу унижения и разделить с ней участь ее до конца. В душе моей происходила тяжелая борьба».

После завтрака адмирал де Робек попросил Петра Николаевича и генерала Мильна пройти к нему в кабинет. Там он сообщил Врангелю:

«Если вам угодно будет отправиться в Крым, я готов представить в ваше распоряжение судно. Я знаю положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указаний ему преемника, остановит свой выбор на вас. Знаю, как тяжело положение армии, и не знаю, возможно ли ее еще спасти... Мною только что получена телеграмма моего правительства. Телеграмма эта делает положение армии еще более тяжким. Хотя она адресована генералу Деникину, но я не могу скрыть ее от вас. Быть может, содержание ее повлияет на ваше решение. Я повторяю, не считаю себя вправе скрыть ее от вас и, зная ее содержание, поставить вас в положение узнать тяжелую истину тогда, когда будет уже поздно».

Британская телеграмма гласила:

«Секретно.

Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего Правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный совет находит, что продолжение Гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой, в настоящем положении, обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии, как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, Британское Правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина, и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское Правительство, оказавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное предложение будет принято. Однако, если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно бесполезную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помошь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину.

Британский Верховный Комиссариат.

2 апреля (20 марта) 1920 г. Константинополь».

Врангель отреагировал так, как и должен был отреагировать кадровый гвардейский офицер, для которого понятие «честь» не было пустым звуком: «Благодарю вас. Если у меня могли быть еще сомнения, то после того, как я узнал содержание этой ноты, у меня их более быть не может. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклониться».

Адмирал это решение в душе поддержал и, лишенный возможности высказаться открыто, молча пожал Врангелю руку.

Отказ англичан от помощи белым делал продолжение борьбы совсем безнадежным. Но о переговорах с большевиками Врангель, как и другие белые генералы, даже не думал. Он решил немедленно отправиться в Крым на британском броненосце «Император Индии». Генерал Шатилов, узнав о решении соратника, пришел в ужас: «Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя

ничего, кроме незапятнанного имени не осталось. Ехать теперь — это безумие». Однако, убедившись, что его доводы бесполезны, он объявил, что не оставит Петра Николаевича в этот грозный час и едет с ним.

Врангель отправился навстречу судьбе: «21-го марта броненосец “Император Индии” вышел в Крым. Море стихло. Мощно рассекая волны, уносил меня корабль к родным берегам. Там готовился эпилог русской трагедии. Над предпоследним актом ее готов был опуститься занавес истории».

Барон чувствовал, что он сам будет героем последнего акта. Его мечта стать во главе Белого движения была как никогда близка к осуществлению. Но только условия для борьбы с большевиками были сейчас гораздо хуже, чем в середине 1919 года, когда войска Деникина находились на гребне успеха, и даже чем в первой половине 1918-го, когда горстка добровольцев была слаба и лишена поддержки извне, но так же слаба была и противостоявшая им Красная армия. Но Врангель был в высшей степени честолюбив и готов был возглавить остатки Вооруженных сил Юга России, чтобы проиграть — но с честью и славой.

Генерал Александр Алексеевич фон Лампе, один из ближайших сотрудников и друзей Врангеля, вспоминал:

«Мне пришлось быть последним, с кем говорил генерал Врангель, оставляя Константинополь (перед возвращением в Крым), и он, сильно взволнованный происходящим, говорил со мною совершенно откровенно. Он шел не на праздник власти, как это думали многие, он ясно сознавал трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, он понимал, что идет на тяжелый труд, на подвиг, и, тем не менее, он опять подчинился долгу и, заявив Военному совету: “Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения”, — принял на себя тот крест, который и привел его к преждевременной могиле.

В некоторых кругах принято говорить, что П. Н. Врангель был честолюбив... Да, это совершенно верно, и это качество, столь нужное каждому военному, совершенно необходимо для Вождя; он был славолюбив, но он был и честолюбив в самом лучшем значении этого понятия, потому что он любил не почести, а самую честь... И он понимал значение этого слова, так как, заявив в своем первом же приказе, уже как Главнокомандующий: “Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения”, — он исполнил свое обещание и, не добившись победы, спас честь армии и России!»

По словам Лампе, «многие считали П. Н. честолюбивым, однако подобное упрощенное определение едва ли соответст-

вовало действительности. Скорее он был славолюбив, т. е. обладал той чертой характера, какая, по мнению Суворова, является добродетелью для военачальника. Добродетелью потому, что побуждает на ратные подвиги».

Врангель следующим образом изложил обстоятельства своего отъезда в Крым Г. Н. Раковскому: «В момент получения ультиматума... я жил как частный человек в Константинополе и, желая принести посильную помощь родине, должен был ехать в Сербию с тем, чтобы заняться там устройством беженцев. В день моего отъезда я получил от начальника английской военной миссии генерала Хольмана телеграмму, которую мне передал верховный политический комиссар в Константинополе адмирал де Робек. Хольман передал мне просьбу генерала Деникина прибыть на военное совещание в Севастополь, где должна была произойти смена главнокомандующего. Одновременно с этим мне был передан ультиматум англичан. Учитывая всю обстановку, я видел, что предо мною встал задача: взять ли в свои руки дело, которое казалось безнадежно проигранным, и, борясь всё время против большевиков, принять на себя позор соглашательства, потому что положениеказалось безвыходным. Мои друзья отговаривали меня, указывая на то, что Деникин привел армию к поражению и что я должен испить чашу, налитую чужими руками... Но я заявил им, что с армией я делил славу побед, а потому не могу отказаться испить с нею горькую чашу тяжких испытаний, и выехал в Севастополь. Участники совета отказались от выборов, не желая создавать опасного прецедента и оказывать давление на волю главнокомандующего. Однако моя кандидатура не встречала возражений».

Раковский вспоминал:

«Я спросил Врангеля:

— Какую роль в вашем назначении сыграли представители Англии?

Главнокомандующий ответил:

— Больше ничего не могу вам сказать. То, что мне известно, я сообщил вам».

Заметим, что в разговоре с Раковским Врангель гораздо подробнее, чем в мемуарах, осветил мотивы своей готовности принять командование.

Но единства по вопросу о преемнике не было. Кроме Врангеля выдвигались и другие кандидатуры главнокомандующего. М. А. Критский вспоминал:

«Накануне своего отъезда на Военный совет А. П. (Кутепов. — Б. С.) вызвал к себе одного своего офицера.

— Вы слышали, — обратился к нему А. П., — что Деникин решил уйти?

— Так точно, Ваше Превосходительство, — ответил офицер, — но я не знаю, насколько эти слухи верны.

— Генерал Деникин решил уйти бесповоротно, — продолжал А. П., — на пост Главнокомандующего выдвигают генерала Врангеля, а некоторые командиры добровольческих частей говорили мне, что если не удастся убедить Деникина изменить свое решение, то на этом посту предпочли бы видеть меня. Что вы на это скажете?

— Ваш вопрос так неожидан... Сейчас мне в голову приходят такие мысли... У барона Врангеля иностранная фамилия, к тому же с титулом, чуждым для русского уха. Большевики, конечно, используют это в своей пропаганде. Генерал Врангель энергичен, талантливый военачальник, но, говорят, настолько честолюбив, что это мешает ему быть всегда беспристрастным. Думаю еще, если Главнокомандующим будет генерал Врангель, то армии как Добровольческой наступит конец. Откровенно говоря, я бы лично предпочел видеть вас на этом посту и, поверьте, не потому, что вы мой начальник...

— Быть может, вы во многом и правы, — сказал А. П., несколько помолчав, — но я считаю, что Врангель талантливее меня и он лучше, чем я, справится с нашим тяжелым положением... Я буду настаивать на кандидатуре генерала Врангеля и скажу об этом начальникам своих частей».

Позиция Кутепова, который не хотел противиться воле Деникина, практически предрекла назначение Врангеля главкомом. Остался еще Слащев, но против Кутепова он выступать не мог.

К 21 марта не успели прибыть все приглашенные, и совещание продолжилось на следующий день. Врангель появился в Севастополе только утром 22-го и сразу попал «с корабля на бал», то есть на военный совет, открывшийся в полдень. Деникин ждал его результатов в Феодосии. Ход его описал Г. Н. Раковский со слов Сидорина и других присутствовавших там генералов:

«Совещание открылось речью генерала Драгомирова, который охарактеризовал в черных тонах общую обстановку и закончил свою речь предложением выбрать нового главнокомандующего.

Горячо запротестовал против этого генерал Сидорин, который заявил, что донцы принципиально высказываются против проведения в жизнь пагубного во всех отношениях выборного начала в армии. Вместе с тем он выразил протест против того, что Дон и на этот раз обидели: от Добровольческих частей на совещании присутствует сорок человек, от донцов — шесть.

Против выборов высказался и генерал Слащев, который после своего выступления немедленно выехал на фронт.

Не имели успеха представители Добровольческого корпуса, высказавшиеся в том смысле, что добровольцы по-прежнему готовы считать своим главнокомандующим генерала Деникина, которому они доверяют, как доверяли и раньше.

Несмотря на неоднократные настояния Драгомирова, участники совещания единогласно высказались против выборного начала и некоторые из них, в порядке частных разговоров, заявили председателю, что у главнокомандующего есть иные выходы из создавшегося положения, например назначение себе преемника».

Генерал Драгомиров после совещания послал Деникину телеграмму: «Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемнике главкома, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового. При обсуждении Добровольческий корпус и кубанцы заявили, что только Вас желают иметь своим начальником и от указания преемника отказываются. Донцы отказались давать какие-либо указания о преемнике, считая свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу, который они определяют в 4 дивизии. Генерал Слащев отказался давать мнение за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позиции, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагаются и без Вас опасаются за распад армии; все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в совете, но меньшего состава. В воскресенье в полдень я назначил продолжение заседания, к каковому прошу Вашего ответа для доклада Военсовету».

Но Деникин остался непреклонен в решении уйти со своего поста. Он знал или догадывался, что уже идут интриги вокруг его возможных преемников, что дух армии потерян и он уже не сможет вести ее в бой, не имея на это ни моральных, ни физических сил. Характеризуя обстановку накануне военного совета, он писал в «Очерках русской смуты»:

«Генерал Слащев вел эту работу не первый день и не в одном направлении, а сразу в четырех. Он посыпал гонцов к барону Врангелю, убеждая его “соединить наши имена” (то есть Врангеля и Слащева), и при посредстве герцога С. Лейхтен-

бергского входил в связь по этому вопросу с офицерскими флотскими кругами. В сношениях своих с правой, главным образом, общественностью он старался направить ее выбор в свою личную пользу. Вместе с тем через генерала Боровского он входил в связь с генералами Сидориным, Покровским, Юзефовичем и условливался с ними о дне и месте совещания для устранения главнокомандующего. В чью пользу — умалчивалось, так как первые двое были антагонистами Врангеля и не имели также желания возглавить себя Слащевым. Наконец, одновременно чуть ли не ежедневно Слащев телеграфировал в Ставку с просьбой разрешить ему прибыть ко мне для доклада и высказывал “глубокое огорчение”, что его непускают к “своему главнокомандующему”...

Генерал Сидорин усиленно проводил взгляд о “предательстве Дона” и телеграфировал донскому атаману, что этот взгляд разделяют “все старшие начальники и все казаки”. Он решил “выvestи Донскую армию из пределов Крыма и того подчинения, в котором она сейчас находится”, и требовал немедленного прибытия атамана и правительства в Евпаторию “для принятия окончательного решения...” (Эту телеграмму А. П. Богаевскому Сидорин направил 18 марта. Фактически он в тот момент уже настроился на эмиграцию и думал о том, как вывести за границу казаков из Крыма и с кубанского побережья. — Б. С.)

Я знал уже и о той роли, которую играл в поднявшейся смуте епископ Вениамин, возглавивший оппозицию крайних правых, но до каких пределов доходило его рвение, мне стало известным только несколько лет спустя... На другой день после прибытия “Южно-русского правительства” в Севастополь преосвященный явился к председателю его... Сидорин, Слащев, Вениамин... Всё это, в сущности, меня уже мало интересовало».

Глава южнорусского правительства Н. М. Мельников описал свою беседу с архиереем:

«Епископ Вениамин сразу начал говорить о том, что “во имя спасения России” надо заставить генерала Деникина сложить власть и передать ее генералу Врангелю, ибо только он, по мнению епископа и его друзей, может спасти в данных условиях Родину. Епископ добавил, что у них, в сущности, всё уже готово к тому, чтобы осуществить намеченную перемену, и что он считает своим долгом обратиться по этому делу ко мне лишь для того, чтобы по возможности не вносить лишнего соблазна в массу и подвести легальные подпорки под “их” предприятие, ибо, если “Южно-русское правительство” санкционирует задуманную перемену, всё пройдет гладко, “законно”...

Епископ Вениамин добавил, что согласится “Южно-русское правительство” или не согласится — дело всё равно сделано будет...

Это приглашение принять участие в перевороте, сделанное притом епископом, было так неожиданно для меня, тогда еще впервые видевшего заговорщика в рясе, и так меня возмутило, что я, поднявшись, прекратил дальнейшие излияния епископа».

Епископ Вениамин посетил затем министра внутренних дел В. Ф. Зеелера, которому также в течение полутора часов внушал мысль о необходимости переворота.

«“Всё равно с властью Деникина покончено, его сгубил тот курс политики, который отвратен русскому народу. Последний давно уже жаждет ‘хозяина земли русской’, и мешать этому теперь уже вполне созревшему порыву не следует. Нужно всячески этому содействовать — это будет и Богу угодное дело. Всё готово: готовы к этому и генерал Врангель, и вся та партия патриотически настроенных действительных сынов своей Родины, которая находится в связи с генералом Врангелем. Причем генерал Врангель — тот Божией милостию диктатор, из рук которого и получит власть и царство помазанник...”

Епископ был так увлечен поддержкой разговора, что перестал сохранять сдержанность и простую осторожность и дошел до того, что готов был тут же ждать от правительства решений немедленных».

Врангель явно не был в восторге от идеи Слащева «соединить имена», но до поры до времени не отвергал хлопоты Якова Александровича, чья позиция при определении деникинского преемника могла иметь решающее значение. Как-никак Слащев был тогда единственным белым генералом, у которого под началом находилось пять тысяч готовых к бою штыков и сабель, тогда как у Кутепова сохранили остатки дисциплины лишь несколько офицерских рот.

Подробное описание совещания сделал генерал-майор М. Н. Ползиков из Дроздовской дивизии:

«В день совета было назначено в 2 часа дня собрание старших начальников дивизии на квартире у генерала Витковского, на которое должен был приехать в 3 часа генерал Кутепов. На совещании у генерала Витковского было единогласно решено просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином главнокомандующем. Заявление генерала Кутепова о том, что генерал Деникин твердо решил оставить свой пост, не изменило общего единодушного решения. У всех нас было впечатление, что генерал Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия. Всем нам непонятно

было, почему генерал Кутепов не поддерживал нас в нашем решении, но, наоборот, настаивал на том, что наше решение ничего не изменит, так как он знает о твердом решении генерала Деникина. Нам было совершенно непонятно поведение генерала Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него».

Кутепов, уезжая с заседания, приказал старшим начальникам Добровольческого корпуса собраться во дворце на предварительное совещание на полтора часа раньше начала военного совета.

По свидетельству Ползикова, были приняты некоторые меры безопасности: назначены усиленные патрули, в особенности на улицах, примыкающих к дворцу, а в местах квартирования — в полной готовности дежурили части, имевшие «связных-быстроходов». Команды пулеметчиков стояли у главного входа дворца и были размещены внутри соседних дворов, а рядом с самим дворцом скрытно располагалась офицерская рота.

На предварительном совещании под председательством Кутепова все начальники Добровольческого корпуса единодушно выразили полное доверие Деникину и приняли решение просить его не оставлять своего поста. Решено было также оказать соответствующее влияние на остальных участников Военного совета, чтобы он «просил бы и даже умолял» генерала Деникина оставаться.

Корпусных командиров смущила позиция А. П. Кутепова: «Генерал Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина. Привыкнув видеть в генерале Кутепове начальника энергичного, настойчивого и решительного, мы недоумевали его пассивности. Невольно вспомнились слухи о его неладах с генералом Деникиным и о “подкапывании”. Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснений молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению генерала Кутепова. Никто из нас не понял тогда, как ему было тяжело. Мы не могли понять, что ему действительно было известно твердое и непреклонное решение генерала Деникина, мы не понимали, что генерал Кутепов, всегда честный и прямой, знал, что не может дать нам надежду, и, переживая гораздо острее и глубже всё то, что мы переживали, не мог сказать нам ничего иного, как о твердом решении генерала Деникина оставить свой пост».

Было решено, в случае непреклонности Деникина, просить его самого назначить себе преемника, которого все обязаны будут признать.

Открывая заседание, генерал Драгомиров прочитал приказ главнокомандующего о назначении Военного совета. Затем была произведена проверка присутствующих на заседании, завершившаяся, как уже упоминалось, выступлением генерала Слащева, настаивавшего на том, что руководимый им корпус не имеет на заседании достаточного числа представителей, что «является несправедливостью по отношению к доблестному корпусу, дольше всех отстаивающему последний клок белой русской земли».

Слащев выступал еще несколько раз. Он говорил о недопустимости выборов нового главнокомандующего, чтобы Вооруженные силы Юга России не уподоблялись Красной армии.

Генерал Драгомиров приказал раздать бумагу и карандаши для тайного голосования. Тогда начальник штаба Черноморского флота капитан 1-го ранга Рябинин (впоследствии перешедший к большевикам) попросил слова и, провозгласив «Пути Господни неисповедимы», произнес патетическую речь о необходимости исполнить приказ главнокомандующего и назвать имя его преемника, каковым является, по убеждению чинов Черноморского флота, генерал Врангель. Имя Врангеля, до того звучавшее в частных беседах, было названо официально на заседании совета.

М. Н. Ползиков передает драматические коллизии совещания:

«В это время шло частное обсуждение около генерала Витковского, который после распоряжения генерала Драгомирова раздать бумагу просил через генерала Кутепова слова и энергично и настойчиво заявил о том, что он и чины Дроздовской дивизии находят невозможным для себя принять участие в выборах и категорически от этого отказываются. После слов генерала Витковского сейчас же присоединились к его заявлению начальники Корниловской, Марковской и Алексеевской дивизий и других частей Добровольческого корпуса. Представители от дивизий поддерживали своих начальников тем, что при их заявлении все вставали. Генерал Драгомиров в строгой форме обратил внимание на недопустимость такого заявления, так как оно составляет неисполнение приказа главнокомандующего. Тогда генерал Витковский возразил, что приказы главнокомандующего мы всегда исполняли и исполним и теперь, что мы ему вполне доверяем, и если главнокомандующий решил сложить с себя власть, то мы подчиняемся его решению и его назначению себе заместителя. Но предварительно необходимо выразить главнокомандующему доверие и просить его остаться у власти и немедленно довести до его сведения о таковом постановлении Военного совета. После

этих слов кто-то из чинов Добровольческого корпуса крикнул: “В честь его высокопревосходительства главнокомандующего генерала Деникина — ура”. Дружное и громкое “ура” долго оглашало здание дворца. После того как оно кончилось и все сели на свои места, генерал Драгомиров снова пытался доказать необходимость выполнить приказ главнокомандующего, который Военным советом не может быть изменен. Тогда генерал Витковский и другие чины Добровольческого корпуса доказывали о необходимости доложить по прямому проводу генералу Деникину о настроении Военного совета, о выражении ему доверия и просьбы остаться у власти. Генерал Драгомиров на все эти доводы возражал и не соглашался с ними.

Все были изрядно уставши, а потому к нашей просьбе — сделать небольшой перерыв — охотно присоединились многие другие, и, к нашему удовольствию, генерал Драгомиров на это согласился, объявив перерыв. Сейчас же мы (Добровольческий корпус) заняли одну из уединенных и находящихся внизу комнат и решили послать от себя срочную телеграмму генералу Деникину, в которой выразить ему полное доверие и признательность и просить остаться у власти. В занятую нами комнату пришли некоторые начальники, не принадлежавшие к Добровольческому корпусу, но вполне разделявшие наши взгляды. Не помню, кто составлял телеграмму; в общем, она была составлена коллективно».

Текст телеграммы был тотчас же отправлен на городской телеграф со связным, получившим приказание добиться немедленной ее отправки генералу Деникину. Телеграмма была принята, но не отправлена, ибо, как выяснилось позже, провод со Ставкой был занят и никаких телеграмм не передавали без разрешения генерала Драгомирова.

На возобновившемся после перерыва заседании военного совета Драгомиров согласился послать телеграмму Деникину, но на просьбу переговорить с главнокомандующим немедленно по прямому проводу ответил категорическим отказом.

«На другой день, — вспоминал Ползиков, — заседание долго не начиналось, и мы в недоумении и с разными предположениями ходили по коридорам, заходили и в большой зал заседаний, но постоянно видели двери в комнату старших начальников плотно закрытыми; вход в эту комнату без разрешения генерала Драгомирова не допускался. Неоднократно пытались узнать, когда начнется заседание совета и вообще состоится ли оно. Ответы получались самые расплывчатые и неуверенные. Вызвать генерала Кутепова из комнаты старших начальников не удавалось. Генерала Витковского в эту комнату не пропускали. Сведений об ответе генерала Деникина на

посланную ему накануне телеграмму никаких не было. Слабалось впечатление, что Военный совет состоялся из высших начальников, а остальных игнорировали. Полная неизвестность и неопределенность создавшегося положения и отсутствие хотя каких-либо объяснений сильно нервировали и вызывали недовольство генералом Драгомировым, упорство которого на предыдущем заседании породило против него много врагов. Поэтому через некоторое время настроение из нервного превратилось определенно во враждебное против комнаты старших начальников. Но скоро оно было рассеяно неожиданным приходом группы новых офицеров, сопровождавших нескольких английских офицеров. Дневное заседание не было открыто, и ответ генерала Деникина не был объявлен нам. Нам объявили, что прибыла делегация от англичан, что сделанные ими предложения настолько необычайны и важны, что совершенно затемняют остроту переживаемых событий, а потому высшие начальники займутся обсуждением английских предложений, а заседание совета назначено на 8 часов вечера этого же дня.

Также прошел слух, что приехал в Севастополь генерал Врангель, который будет присутствовать на вечернем заседании Военного совета.

Когда мы прибыли на это заседание и в ожидании его открытия блуждали по коридорам и комнатам дворца, то через некоторое время заметили присутствие генерала Врангеля, который нервно ходил по коридору около большого зала. Двери в комнату старших начальников по-прежнему были закрыты, и в ней шло заседание. Несколько раз туда приглашали генерала Врангеля, и через короткое время он выходил оттуда еще более взволнованный».

То, что происходило за этими закрытыми дверями, запечатлев участник Малого совета старших военачальников А. П. Богаевский:

«У всех было подавленное настроение духа. Почти никто не знал ни точной обстановки, ни истинных причин ухода генерала Деникина. Неестественной казалась и сама причина нашего сбора, невозможная до сих пор в регулярной армии.

Кроме того, не было никого, кто мог бы в то время стать преемником генерала Деникина без возражений с чьей бы то ни было стороны. Никаких имен не называли.

На другой день генерал Драгомиров собрал снова совещание и прочитал ответную телеграмму генерала Деникина, приказывавшего все-таки выборы произвести.

Несмотря на это, многие протестовали против этого, и нужна была вся твердость и настойчивость генерала Драгоми-

рова, чтобы совещание не приняло форму митинга и прошло спокойно...

После долгих споров решено было составить два совещания: одно — из старших начальников и другое — из всех остальных. Первое должно было наметить преемника, второе поддержать или отвергнуть выборное лицо.

Я был в числе старших начальников. Мы заседали в большом угловом кабинете, остальные — в зале.

Наше совещание затянулось. Все еще спорили и не могли остановиться на чьем-либо имени.

Из зала, где томились уже несколько часов уставшие и голодные начальники войсковых частей, являлись не раз посланные с запросом, что мы решили.

Нужно было как-нибудь кончать, откладывать на другой день было уже невозможно: этим неминуемо сразу подрывался бы авторитет будущего главнокомандующего.

Тогда я выступил с речью, в которой, очертив создавшуюся обстановку и необходимость во что бы то ни стало скорее кончить вопрос, назвал генерала Врангеля как нового главнокомандующего.

Возражений не последовало, и, как мне показалось тогда, не из симпатий к нему, а просто потому, что нужно же избрать кого-нибудь и кончить тяжкий вопрос. В то время едва ли кто думал о продолжении борьбы с красными вне Крыма: нужно было отсидеться, привести себя в порядок и уходить за границу, если не удастся удержать Крым. Считали, что Врангель с этим справится».

Наступил решающий момент:

«Пригласили его в наш кабинет... и здесь председатель сделал ему нечто вроде экзамена: “Како веруеши?” Его ответы в резком, решительном тоне, сводившиеся в общем к тому, что он не мыслит о продолжении серьезной борьбы и будет считать своим долгом, если станет во главе армии, “с честью вывести ее из тяжелого положения”, удовлетворили не всех в совещании.

Генерала Врангеля попросили временно удалиться, чем он, видимо, остался очень недоволен, и снова начали обсуждать его кандидатуру.

Наконец, решено было остановиться на нем.

Снова вызвали его, и генерал Драгомиров объявил ему о нашем решении.

Генерал Врангель принял это внешне спокойно, однако у многих из нас — да, вероятно, и у него — все же были сомнения, утвердит ли генерал Деникин наш выбор. Мы не знали подробностей, но всем было известно, что между ними были

дурные отношения и вина в них падала не на генерала Деникина...

Согласившись на наш выбор, генерал Врангель удивил всех нас своим решительным требованием — дать ему подпиську в том, что условием принятия им поста главнокомандующего не будет переход в наступление против большевиков, а только вывод армии с честью из создавшегося тяжелого положения.

На вопрос наш, зачем эта подписка, генерал Врангель ответил, что он хочет, чтобы все — и прежде всего его родной сын — не упрекнули его в будущем в том, что он не исполнил своего долга.

Всё это было не совсем для нас понятно — такая предусмотриительность, но ввиду настойчивого требования генерала Врангеля — чуть ли не под угрозой отказа от выбора — подписка была дана.

После этого была послана телеграмма генералу Деникину».

Фактически перед собранием генералитета представители Добровольческого корпуса не исключали, что может произойти что-то вроде антиденикинского военного переворота, потому и выставили усиленную охрану у дворца. И Слащев тоже далеко не случайно вскоре после начала первого совещания отправился на фронт. Значение этого демонстративного поступка было не только в том, что Яков Александрович хотел показать присутствующим, что пока они тут ведут разговоры, он Крым спасает, с большевиками сражается. Слащев увидел, что в Севастополе ходячими являются «добровольцы», а верных ему войск в городе нет, вот и решил в случае чего вернуться в Севастополь с бронепоездом и надежными частями, чтобы показать, кто в Крыму хозяин. Как раз об этом Слащев и телеграфировал Врангелю 22 марта, еще не зная, что всё закончилось благополучно.

Думается, в качестве одного из аргументов в пользу кандидатуры Врангеля послужила его однозначная позиция в отношении предложения английского правительства. Г. Н. Раковский свидетельствовал:

«Во время дневного совещания 22 марта Врангель, вопрос о назначении которого на должность главнокомандующего казался предрешенным, откровенно заявил членам Военного совета, что он не видит выхода из создавшегося положения и что, совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с большевиками, нужно возложить на авторов <британского> ультиматума всю нравственную ответственность за последствия предпринятого шага.

— Долг чести требует, — говорит Врангель, — чтобы те, кто лишает нас помощи, приняли меры к охране неприкосно-

венности всех чинов армии и всех жителей занятых большевистскими силами местностей, и всех беженцев, которые пожелали бы вернуться на родину, наконец, всех тех, кто боролся с нами за общее дело и ныне томится в тюрьмах Советской России.

После этого выступления Врангеля члены Военного совета пришли к заключению, что именно такой, а не иной ответ нужно дать великобританскому правительству. Кроме того, на этом же совещании определено выяснилось, что лицом, которое может выполнить тяжелую и неблагодарную задачу по ликвидации остатков Вооруженных Сил на Юге России, является именно генерал Врангель. Его кандидатура на пост главнокомандующего не встречала возражений, о чем председатель совещания и сообщил в Феодосию генералу Деникину.

Между тем среди некоторых из участников совещания по инициативе Драгомирова был поднят вопрос о том, что постановление Военного совета по поводу английского ультиматума должно быть оформлено в виде соответствующего акта, подписанного всеми участниками совещания.

Такого рода предложение встретило и весьма настойчивые возражения. Начались споры. Одни высказывались за, другие — против.

Мысль о необходимости составления акта нашла энергичного сторонника и в лице Врангеля, который заявил, что, если под зафиксированным постановлением не будет подписей присутствующих на совещании, он уезжает за границу.

— Этот документ необходим для меня и моего сына, — добавил Врангель.

Здесь выступил Сидорин и заявил, что генерал Врангель не менее нас, если не более, ответствен за всё произшедшее, а потому, если вопрос ставится генералом Врангелем в ультимативной форме, он, Сидорин, под этим актом не подпишется.

После обсуждения вопрос о необходимости составления акта был решен в положительном смысле. Документ составлялся, и редактировался, и подписывался членами Военного совета уже во время вечернего совещания...»

В это время между Деникиным и Драгомировым произошел разговор по телеграфу: «“Приехал ли генерал Врангель?” — спросил Деникин. “Приехал”. — “Присутствовал ли генерал Врангель на заседании в 12 часов дня и осведомлен ли он о политической обстановке?” — “Был осведомлен. Сейчас прибыл на совещание, начавшееся в 6 часов вечера”. — “Благословляю генерала Врангеля на его трудный путь”».

Врангель в мемуарах так изложил свою позицию, с которой он выступал на военном совете:

«Со своей стороны я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственно правильным назначение такового самим генералом Деникиным. Я ознакомил генерала Драгомирова с привезенным мною ультиматумом англичан.

— По тем отрывочным сведениям, которые я имел в Константинополе и которые получил только что от генерала Улагая, и при условии лишения нас всякой помощи со стороны союзников я не вижу возможности продолжать борьбу, — сказал я. — Я прибыл сюда потому, что не счел возможным не разделить с армией ее, быть может, последние часы, и если судьба пошлет мне испытание встать во главе армии, я его приму. Однако я считаю, что при настоящих условиях генерал Деникин не имеет нравственного права оставить то дело, во главе которого он до сих пор стоял. Он должен довести это дело до конца и принять на себя ответственность за всё, что произойдет.

— Решение Главнокомандующего уйти — окончательно. Я убежден, что он его не изменит, — ответил генерал Драгомиров...

— Я полагаю совершенно невозможным скрыть от военного совещания новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку.

Я указал на ноту англичан».

По утверждению Врангеля, именно он был инициатором выделения из широкого состава Военного совета группы старших командиров:

«Новый Главнокомандующий, кто бы он ни был, должен с полной определенностью знать, что при этих условиях будут от него требовать его соратники, а последние — что может им обещать новый вождь. Всё это невозможно обсуждать в таком многолюдном собрании, в значительной мере состоящем из мальчиков. Ведь некоторые из нынешних командиров полков в нормальное время были бы только поручиками. Я полагаю, что из состава совета должны быть удалены все лица младше командиров корпусов или равных им по власти.

Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц (старших военачальников. — Б. С.): председатель — генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов, Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Келчевский, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин, генерал-

лейтенанты: Шатилов, Боровский, Покровский, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Улагай, Ефимов, Стогов, Топорков, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов и я.

Генерал Драгомиров, отпустив прочих участников совещания, просил старших начальников перейти к нему в кабинет. Известие об ультиматуме англичан всех поразило. Значение его в полной мере учитывалось всеми, все были сумрачны и молчаливы. Генерал Драгомиров сообщил присутствующим, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на выборе себе преемника. Однако все члены Совета продолжали считать такой порядок разрешения вопроса недопустимым.

Председательствующий предложил следующий выход из положения: старшие начальники в частном совещании выскажут свои предположения и назовут лицо, которое, по их мнению, может в настоящую минуту наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу; генерал Драгомиров об этом сообщит генералу Деникину, доложив, что мнение участников совещания не связывает Главнокомандующего в его решении, и еще раз предложит генералу Деникину приказом назначить себе преемника.

Я просил слова и вновь повторил сказанное уже генералу Драгомирову: в настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Ультиматум англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. При этих условиях генерал Деникин не имеет права оставить армию. Мои слова были встречены гробовым молчанием. Мне стало ясно, что как самим генералом Деникиным, так и всеми присутствующими вопрос об оставлении Главнокомандующим своего поста уже предрешен.

— Если генерал Деникин всё же оставит армию, — продолжал я, — и на одного из нас выпадет тяжкий крест, то прежде чем принять этот крест, тот, кто его будет нести, должен знать, что от него ожидают те, кто ему этот крест вверили. Повторяю, я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать, — это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю безвыходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выяснить этот вопрос.

Все молчали.

Наконец, генерал Махров стал говорить о том, что как бы

безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать — “пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия”.

— Да, Петр Семенович, это так, — ответил генерал Шатилов, — если бы этот шанс был... Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...

Генерал Махров не возражал. (Между прочим, тот шанс на победу, о котором говорил генерал Махров, вскоре удивительным образом представился, но Врангель им не воспользовался. — Б. С.)

Для меня не было сомнения, что выбор участников совещания остановится на мне. Жребий был брошен, я сказал всё, и дальнейшее зависело не от меня. Сославшись на нездоровье, я просил генерала Драгомирова разрешения оставить совещание».

Итак, барон был уверен в своей победе, но лицемерно продолжал настаивать на необходимости пребывания у власти Деникина. Однако груз ответственности был велик. Врангель признавался в мемуарах:

«На душе было невыразимо тяжело. Хотелось быть одному, разобраться с мыслями. Я вышел из дворца и пошел бродить по городу, ища уединения. Я прошел на Исторический бульвар и долго ходил по пустынным аллеям. Тяжелое, гнетущее чувство не проходило. Мне стало казаться, что душевное равновесие не вернется, пока я не получу возможности поделиться с кем-либо всем, что мучило мою душу. Мне вспомнилось посещение мое, в бытность в Севастополе, епископа Севастопольского Вениамина. Это было накануне оставления мною родной земли. Я также тогда переживал тяжелые часы. Теплая, полная искренней задушевности беседа с владыкой облегчила тогда мою душу. Я решил пройти к епископу Вениамину. Последний знал уже о моем приезде и, видимо, мне обрадовался:

— Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надумил Вас. Это был Ваш долг, — сказал он. — Я знаю, как тяжело Вам, знаю, какой крест Вы на себя берете. Но Вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России. На вас указал промысел Божий устами тех людей, которые верят Вам и готовы Вам вручить свою часть. Еще до Вашего приезда, как только генерал Драгомиров собрал совет, к нему обратился, указывая на Вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений.

Владыка, порывшись в лежащих на столе бумагах, передал мне две из них.

Пока я читал, владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери, старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне.

— Этой старинной иконой я решил благословить Вас, когда Вы прибудете сюда на Ваш новый подвиг.

Я преклонил колено. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело, и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец».

На следующем заседании, в шесть часов вечера, старшие начальники единогласно указали на Врангеля как на преемника Деникина.

После первого, полуденного, совещания Драгомиров телеграфировал Деникину: «Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемнике Главнокомандующего, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового... Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагается и без Вас опасается распада армии; все желали бы Вашего немедленного сюда прибытия для личного председательствования в совете».

Деникин ответил: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащевым недопустимым. Требую от Военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию». Эта телеграмма открыла для Врангеля «зеленую улицу», несмотря на оппозицию к нему генералов-«добровольцев», которые стояли за сохранение у власти Деникина любой ценой.

Врангель потребовал, чтобы все присутствовавшие на втором совещании старшие начальники подписали продиктованный им акт, содержащий в себе ответ на британскую ноту, своеобразную индульгенцию, заранее отводившую от него все обвинения:

«На заседании старших начальников, выделенных из состава Военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 года, для избрания заместителя генералу Деникину, председателем совета генералом от кавалерии Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы Правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому

Правительству об амнистии населению Крыма и в частности войскам Юга России, причем в случае отказа генерала Деникина на это предложение, Британское Правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помочь.

При этих условиях совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля с тем, чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от Советского Правительства».

Врангель подписался последним, приписав: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения!» Тем самым он как бы скрепил круговой порукой руководителей Белого движения на юге России. Они давали ему карт-бланш как на возобновление военных действий, так и, в случае необходимости, на эвакуацию войск и беженцев за пределы Крыма. Тем самым барон заручился гарантией того, что в случае, если придется уйти из Крыма, это поражение никто не будет ставить ему в вину. Но что еще важнее, Петр Николаевич с помощью данного акта обезопасил себя от любой будущей генеральской фронды и неисполнения приказов, из-за чего так страдал Деникин.

Деникин отдал приказ о назначении Врангеля:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.

Гор. Феодосия № 2899 22 марта 1920 г.

§ 1

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим вооруженными силами на юге России.

§ 2

Всем честно шедшим со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон.

Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

И в тот же день в Севастополе Врангель издал свой первый приказ в качестве главнокомандующего:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

Гор. Севастополь № 2900 22 марта 1920 г.

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен ген. Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося положения.

Призываю верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгоды, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье. В этом залог нашего успеха.

С верою в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-Лейтенант барон Врангель».

Тогда же, 22 марта (4 апреля), Деникин вместе с Романовским отплыл в Константинополь, а 23-го Романовский, пользовавшийся среди монархически настроенных офицеров совершенно незаслуженной репутацией «социалиста», «либерала» и «масона», в здании русского посольства был застрелен ярым монархистом, контрразведчиком Вооруженных сил Юга России, поручиком Мстиславом Алексеевичем Харузиным, сотрудником Константинопольского информационного отделения Отдела пропаганды и переводчиком с восточных языков. Вконец расстроенный этим известием, генерал Деникин на следующий же день с женой и дочерью отправился из Турции на британском броненосце «Мальборо» в Англию. Убийца, явившийся членом тайной монархической организации, но действовавший в одиночку, так и не был найден. Вскоре после гибели Романовского Харузин был послан врангелевским правительством в командировку в армию Кемаль-паши, с которой главнокомандующий хотел установить контакты, и погиб там при невыясненных обстоятельствах. Барон осудил убийство Романовского и отрещил от должности военного агента в Константинополе генерала Агапеева, не обеспечившего должную охрану генералов Деникина и Романовского. Либеральные газеты обвиняли Врангеля в причастности к убийству Романовского, хотя для этого и не было никаких серьезных оснований.

Но вот в своих мемуарах в связи с убийством Романовского Петр Николаевич не жалел черной краски и для Деникина, и для покойного начальника его штаба. Врангель утверждал:

«Напуганная убийством генерала Романовского, боявшаяся за участь мужа, жена генерала Деникина обратилась к прибывшему одновременно с ним в Константинополь генералу Хольману с просьбой прислать для защиты мужа английские войска. Обязанности российского дипломатического представителя исполнял русский консул Якимов, заменявший давно назначенного, но все еще не прибывшего к месту назначения

поверенного в делах Щербатского. Якимов заявил английским властям протест против нарушения экстерриториальности посольства. Генерал Агапеев просил генерала Деникина снестись с генералом Хольманом и не допустить оскорбительного для русского достоинства ввода в посольство английских солдат. Всё оказалось тщетным. Генерал Деникин не выполнил просьбы генерала Агапеева. Англичане заявили, что бывший Главнокомандующий находится под их покровительством и они не могут отказать ему в защите.

“С моей стороны, — писал генерал Агапеев, — вслед за вводом английской полиции была сделана попытка напомнить генералу Деникину, что на нем как на бывшем Главнокомандующем В. С. Ю. Р. лежат некоторые нравственные обязанности в вопросе о поддержании достоинства России, причем я начал разговор с ним о наглой выходке генерала Хольмана и как я на нее реагировал, но генерал Деникин, не дав договорить мне, резко оборвал меня, встал и тоном, не допускавшим возражений, сказал: ‘Ваше превосходительство. Зачем вы мне это говорите...’ То напоминание, которое я сделал, было, конечно, неприятно генералу Деникину; я полагаю, он принял решение, сознавая, что оно несовместимо с престижем той идеи, которой он служил, но не желая, чтобы это сознавали другие. Так как попытка моя потерпела полное крушение, то мне ничего не оставалось больше как повернуться и уйти”.

Посольство было занято гуркосами*. Генерал Деникин, даже на панихиде присутствовал, окруженный ими. На другой день, накануне похорон своего соратника и друга, генерал Деникин выехал в Англию. После его отъезда английским командованием было выпущено объявление с предупреждением, что если виновники убийства не будут обнаружены, то все русские офицеры будут выселены из района Константинополя. (На убитом генерале Романовском в боковом кармане кителя оказалось перлюстрированное письмо генерала Шатилова к генералу Науменко. Письмо было частное, касавшееся личных вопросов — просьбы устроить службу одному лицу.)

Необходимо было оградить престиж русского имени. Я отдал приказ об отчислении генерала Агапеева и г-на Щербатского как не принявших достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним лиц, “следствием чего явилось убийство в Константинополе генерала Романовского и ввод в Русское посольство английских войск”. В частном письме ге-

---

* Гуркосы (гуркхи) — британские колониальные войска, набиравшиеся из непальских добровольцев, отличающихся храбростью, преданностью и выносливостью.

нералу Агапееву я изложил ему мои соображения и просил не сетовать на меня, ибо я вынужден поступить так, дабы избежнуть в дальнейшем возможности повторения со стороны англичан новых бестактностей. Я принял меры, чтобы приказ мой стал известен представителям союзного командования. Приказ возымел действие, и через несколько дней вывешенные в Константинополе объявления английских властей были сняты, а начавшиеся было против русских мелкие репрессии совершенно прекратились».

И на этот раз личные обиды у барона берут верх. Зачем было напоминать пикантную подробность о перлюстрированном письме, обнаруженному на убитом, тем более что сам текст письма никакого значения не имел, а о факте перлюстрации ОСВАГом переписки высших военачальников Врангель и так неоднократно упоминал в своих мемуарах? Зачем было еще раз в мемуарах бить поверженного Деникина, уже давно не являвшегося соперником Врангеля и не игравшего сколько-нибудь активной роли в эмиграции, обвиняя его в будто бы проявленной трусости? Врангель ведь знал, в каком состоянии в то время находился Антон Иванович, потеряв лучшего друга. Деникин писал в мемуарах:

«Раскрылась дверь, и в ней появился бледный как смерть полковник Энгельгардт:

— Ваше превосходительство, генерал Романовский убит.

Этот удар доконал меня. Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни».

Мог ли он в этот момент думать о русском престиже и об уместности ввода английского отряда на территорию российского консульства?

Кроме того, Врангель прямо говорит о том, что отстранил генерал-лейтенанта В. П. Агапеева от должности военного агента не столько из-за халатности, проявленной в деле организации охраны Романовского, сколько из-за того, что тот допустил ввод английских войск на территорию консульства. И тут же Петр Николаевич намекает, что соответствующий приказ был издан в первую очередь затем, чтобы впредь избежать этого. Не были даже организованы поиски покушавшегося, хотя найти его было не так уж трудно. Ведь убийца хорошо ориентировался на территории консульства, что свидетельствовало о том, что он имел туда беспрепятственный вход и неоднократно бывал там. Не исключено, что те, кто подозревал Харузина в убийстве, намеренно сплавили его в Анатолию, чтобы не привлекать излишнего внимания к его персоне. Гибель Харузина устроила всех.

В мемуарах Петр Николаевич нарисовал безрадостную кар-

тину того наследства, которое оставил ему Деникин: «Неумелая финансовая политика, упорный отказ генерала Деникина от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств юга России, несовершенство налогового аппарата приводили к тому, что вся финансовая система сводилась к печатанию денежных знаков. Однако новые и новые эмиссии не могли удовлетворить денежной потребности, беспрерывно возраставшей по мере обесценения денежных знаков бесконечными их выпусками. При отходе в Крым из четырех экспедиций заготовления государственных бумаг три были частью вывезены и бездействовали, частью погибли. Оставшаяся в Феодосии экспедиция не успевала печатать. С утерей нами всего юга России и оставления нас нашими союзниками и без того незначительные суммы, находящиеся в банках и на руках финансовых агентов главного командования за границей, не могли считаться прочно обеспеченными от захвата многочисленными кредиторами».

Врангель, в отличие от Деникина, готов был привлекать иностранный капитал — точнее, возвращать иностранным собственникам то, что у них отняли большевики. Например, в не столь далеком от Крыма Донбассе еще до Первой мировой войны преобладали французские, британские и бельгийские капиталовложения. По нынешним меркам, ничего страшного в наличии иностранного участия в экономике страны нет; наоборот, иностранные инвестиции (по крайней мере, в реальный сектор экономики) обычно только приветствуются. Это советская пропаганда, а потом перебежавший на сторону красных Слащев обвиняли Врангеля в намерении продать Россию французским и британским капиталистам. Даже Деникину в период наибольших успехов, когда его армии шли на Москву, какие иностранные компании предоставили бы кредиты под залог собственности на юге России?

У Врангеля же шансов предложить концессию иностранным не было никаких. В Крыму не имелось сколько-нибудь привлекательных объектов для инвестиций, особенно учитывая хронический дефицит продовольствия и воды. А на остальной территории России какие-либо концессии были бы возможны только в том случае, если бы правительство Врангеля смогло выиграть Гражданскую войну и утвердиться в качестве общероссийской власти. Но такой вариант весной 1920 года не рассматривал всерьез и сам Врангель. Альтернативой могло бы стать формирование мини-государства белых на юге России в составе, допустим, Северной Таврии, Крыма, Кубани, Дона и Донбасса. Однако шансы на это были столь же призрачными, как и на то, что врангелевцы возьмут Москву.

Даже если бы в какой-то момент Русская армия смогла бы занять все перечисленные территории, то удержать столь растянутый фронт для нее не было никакой возможности, хотя бы из-за ее малочисленности.

Врангель в мемуарах продолжал подводить неутешительные итоги правления Деникина: «На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли считаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений.

Крым местными средствами был беден и в мирное время он жил за счет богатой Северной Таврии; теперь же с населением, в значительной степени возросшим, с расстроенным долгими годами германской и гражданской войны хозяйственным аппаратом он не мог прокормить население и армию. В городах южного побережья: Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, благодаря трудному подвозу с севера, хлеба уже не хватало. Цены на хлеб беспрерывно росли. Не хватало совершенно и необходимых жиров. Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой.

Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на юге России, и раздетую и в значительной части безоружную армию нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и орудий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Конница осталась без лошадей, и единственной конной частью была вторая конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек), входившая в состав отошедшего в Крым с севера сухим путем корпуса генерала Слащева. Кроме этого корпуса, все отошедшие в Крым войска лишились своих обозов. В бедном коневыми средствами Крыму недостаток конского состава не представлялось возможным пополнить, особенно при наступавшем времени весенних полевых работ».

Материальная разруха сопровождалась, а часто и усиливалась разложением армии. Врангель рисует удручающие картины моральной деградации:

«Войска за многомесячное беспорядочное отступление вышли из рук начальников. Пьянство, самоуправство, грабежи и

даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей.

Развал достиг и верхов армии. Политиканствовали, интриговали, разводили недостойные дрязги и происки. Благодатная почва открывала широкое поле деятельности крупным и мелким авантюристам. Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые неудовлетворенным честолюбием, выдвинувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией генерал Покровский, генерал Боровский, сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова, его начальник штаба, генерал Постовский. Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контрразведок, секретного отдела Освага и т. п.

Среди высшего командования донцов также было неблагополучно. Генерал Сидорин и генерал Келчевский, окончательно порвав с “добровольцами”, вели свою самостоятельную казачью политику, ища поддержки у “демократического” казачества.

Генерал Слащев, бывший полновластный правитель Крыма, с переходом Ставки в Феодосию оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отличноправлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал Ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц».

Возможно, эта характеристика Слащева навеяна конфликтом с ним. А в тот момент, когда Врангель только-только взял власть, он нашел в Слащеве, командире единственного боеспособного корпуса на полуострове, союзника против слишком «левых», с точки зрения обоих, офицеров Добровольческого корпуса и «казачьего сепаратизма». Вечером 22 марта отбывший на фронт Слащев телеграфировал Врангелю, что считает его положение в Севастополе опасным, и просил разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для

охраны нового главнокомандующего. Врангель ответил, что в охране не нуждается, прибытие войск и бронепоезда считает излишним, а вот самого генерала всегда рад видеть.

Бывший офицер Добровольческой армии В. Дружинин вспоминал:

«В это время генерал Слащев был героем Крыма. Его все боялись и уважали. Только благодаря его самообладанию Крым был спасен от красных и принял тысячи добровольцев и беженцев из Новороссийска, Туапсе и Грузии. Слащев отдавал свои знаменитые, пародии на суворовские, приказы, и все им восхищались. Так, например, по случаю сдачи Перекопа в начале марта 1920 года он написал приказ: “Кто отдавал приказание сдать Перекоп? Перекоп завтра взять! Слащев”.

Его приказы были злой дни. Даже барышни и те цитировали его приказы. Генерал Слащев был грозой тыла и любимцем фронта. Где появлялся он, там был обеспечен успех. Многие утверждали, что он ненормальный и только кокаин дает ему энергию. Появлялся он в роскошной казачьей форме...

Перед вечером мы пошли на вокзал по Екатерининской улице, встретили нашу хозяйственную часть, которая следовала по железной дороге. На трамвайных столбах мы увидели трех повешенных... Один офицер и два солдата. Повешены они были в форме. У каждого из них в руках был лист бумаги, на котором синим карандашом было написано: “За грабеж мирного населения. Слащев”. Толпа собиралась около этих повешенных. Некоторые одобряли Слащева:

— Жестоко, но зато показательней.

Другие упрекали Слащева, говоря, что это действует на молодое поколение. Эти трупы висели три дня. Слащев не церемонился. В это время в Крыму было одно наказание — через повешение. Оно вполне понятно. Из Новороссийска прибыла деморализованная толпа, которую нужно было сразу заставить опомниться. Боязнь смерти веяла над всеми, и поэтому точно исполняли приказы Слащева».

Слащев наводил порядок в тылу не менее беспощадно, чем Врангель.

Слащев прибыл в Севастополь 24 марта. На Врангеля он произвел неприятное впечатление. Тот писал в мемуарах: «После нашего последнего свидания он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я ознакомил

его с последними решениями Военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением совета он полностью согласен, и просил верить, что его части выполнят свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма... Он считал необходимым в ближайшие же дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределенная за последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп, окончательно сбила с толку всех. Необходимо было ясно и определенно дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащев стал жаловаться на "левизну" начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые якобы "совсем ненадежны", что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса "подготавливают переворот", чем и вызвана была его телеграмма накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащеву съехать со мной на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника генерала Слащева в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба в генерал-майоры. Генерал Слащев отбыл на фронт».

Пожалование Слащеву генерал-лейтенантского чина было не только наградой за героическую оборону Крыма, но и своеобразной платой за поддержку кандидатуры Врангеля, тогда как генералы-«добровольцы» пытались сохранить у власти Деникина. Но их идиллия длилась недолго. Очень скоро стало проявляться своееволие Слащева, у них с Врангелем появились разногласия по вопросам стратегии и политики. Главное же, Петр Николаевич опасался популярности Слащева в войсках, его честолюбивых амбиций некоронованного властителя Крыма, каким Яков Александрович фактически был в период панического отступления белых армий на Северном Кавказе, а также его неуравновешенности и злоупотребления спирт-

ным и кокаином. Врангель тоже недолюбливал добровольцев и «левых», но прекрасно понимал, что сейчас для борьбы годится любой союзник, а уж тем более закаленные в боях ветераны Белого движения. Петр Николаевич был неплохим дипломатом и умел скрывать свои чувства и истинные взгляды. Так, он оставил начальником штаба генерала Махрова и генерал-квартирмейстерами полковников Коновалова и Дормана. Хотя многие во врангелевском окружении подозревали этих троих в «либерализме», Петр Николаевич ценил их как дальних, опытных работников.

Но Слащев не успокоился. 5 апреля 1920 года он подал Врангелю рапорт-донос на генералов — участников Военного совета:

«Секретно в собственные руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России.

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего главнокомандующего и командвойска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть, и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Всё это сказалось:

1. Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги либо болтается из стороны в сторону.

2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому — нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высыпают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно расрут. Борьба идет с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица Керенского направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на Военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание, в присутствии командиров полков заявили, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили

ему “ура”. Это заявление и “ура” на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: “чему мы служим — Родине или лицам”. — Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят всё дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности “лиц”, подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданые мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых — отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правителем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд.

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева, хотя бы на должности, где интриги их будут бесполезны.

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово свое сдержал.

Честь свою я сохранил и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым — я сделаю всё, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащев».

Этот и другие рапорты Слащева Врангель в мемуарах называл «сумасбродными».

По словам Слащева, «единственным ответом на его рапорт была телеграмма главкома: “Приказ о земельной реформе в том духе, как вы высказываете пожелание, приготавляется и будет опубликован на днях. Врангель”». Как мы увидим далее, врангелевский закон все-таки отличался от того, что предлагал Слащев. Плата хлебом — это скорее налог на землю, а не выкуп земли. Если бы такой же налог платили и помещики с оставшейся у них земли, он бы уж точно не воспринимался крестьянами как выкуп и заставил бы их поверить власти. А врангелевский закон предусматривал именно выкуп земли крестьянами у помещиков, растянутый на 25 лет, причем ежегодные платежи были далеко не символическими.

Что касается требований Слащева уволить слишком «либеральных» генералов, то Врангель вел более разумную кадровую политику, оценивая своих военных и гражданских сотрудников не по их политической репутации и тем более не по слухам, которые ходили о них в обществе, а по их действительным боевым и деловым качествам и готовности продолжать борьбу с большевиками.

В отношении же того, что Слащев был человеком чести... Как мы увидим в следующей главе, Яков Александрович счел обиду на Врангеля и на союзников, предавших, как он думал, Белое дело, достаточным основанием, чтобы перейти на службу к большевикам, взгляды которых он никогда не разделял. Вряд ли так может поступать человек чести, тем более что в основе поступка Слащева лежали вполне меркантильные соображения: он наивно рассчитывал, что ему удастся сделать карьеру в Красной армии, что он получит под свое командование корпус, как и в Русской армии Врангеля. А получил он пулю в лоб.

Н. Е. Какурин считал, что во внешней политике Врангель являлся типичным авантюристом, готовым ради борьбы с

большевиками пойти на союз с кем угодно. Что же касается политики внутренней, то, по мнению историка, Врангель, «опинаясь на кучку реакционных сановников старого режима, стремился делать “левую политику правыми руками”. На практике это повело к обману народных масс рядом ничего им не дающих обещаний».

Например, в области земельных отношений «допускался переход помещичьей земли в собственность крестьян, но за выкуп, срок которого растягивался на 25 лет. В отношении рабочего класса правительство и администрация Врангеля отличались ожесточенной борьбой против рабочих организаций и профессионального движения. Наконец, в области административной практики правление генерала Врангеля знаменовалось произволом и насилиями разного рода чиновников и комендантами над местным населением».

«Таким образом, — резюмировал Какурин, — новая власть, сохранив все отрицательные черты прежнего правительства генерала Деникина, довела их до крайней степени своего выражения. Поэтому отношение местного населения, особенно крестьянства, к этой власти было резко отрицательным, что и выражалось в поголовном уклонении крестьянства от мобилизаций, когда Врангель систему добровольчества в старой “добровольческой” — ныне названной им “русской” — армии пытался заменить системой обязательной воинской повинности. При отрицательном отношении к власти широких слоев населения ей приходилось рассчитывать только на те штыки, которые ее выдвинули и поддерживали». Армия же, по его мнению, в течение Гражданской войны переродилась в совершенно обособленный военный организм, в ремесленников, сражавшихся уже не во имя идеи, а ради наживы, которая являлась для них побудительной причиной к продолжению войны: «Превращаясь в армию профессиональных наемников, Добровольческая армия быстро усваивала все отрицательные черты наемных войск; ее дисциплина была своеобразная, в ней установилась не юридически, но фактически система выборного начала не только в отношении низших, но и высших начальников. Те и другие, чтобы не утратить своей популярности в войсках, должны были закрывать глаза на грабежи и насилия войск. Высшее командование, в лице отдельных генералов, вели между собою ожесточенную борьбу за первенство. Первой задачей генерала Врангеля в области военной явилось окончательное подавление самостоятельности и оппозиционных настроений в казачьих войсках, что выражалось в устраниении от командования Донской армией генерала Сидорина как опасного конкурента и в предании его суду».

Полковник царской армии Н. Е. Какурин, в 1920 году перешедший на сторону красных (в 1936-м он умер в тюрьме), к Врангелю должен был питать искреннюю ненависть. Ведь барон остался верным присяге до конца и боролся с большевиками, тогда как Николай Евгеньевич пошел к ним в услужение. Поэтому он стремился всячески очернить Врангеля, обвинял его в реакционности и авантюризме. На самом деле барон Врангель оказался единственным настоящим политиком среди всех белых генералов и адмиралов. Лишь он предложил цельную политическую программу. Лишь он смог принять и до некоторой степени провести в жизнь законы о земле и о местной администрации. Наконец, только ему удалось навести в тылу относительный порядок, добиться того, чтобы войска на передовой были хотя бы минимально обеспечены боеприпасами и продовольствием и не занимались массовыми грабежами. Деникин, как мы помним, не мог похвастаться и этим. И еще хуже было положение у Верховного правителя России адмирала Колчака, которому так и не удалось создать сколько-нибудь эффективной гражданской администрации и боеспособной армии. Александр Васильевич был талантливым флотоводцем и полярным исследователем, глубоко порядочным и честным человеком. Но он ничего не понимал ни в политике, ни в сухопутной войне, ни в организации армии. Трагедия Колчака — это трагедия человека, оказавшегося не на своем месте и не в свое время и принесшего Белому делу лишь вред.

Про Врангеля так не скажешь. Наоборот, из всех оказавшихся весной 1920 года в Крыму белых генералов Петр Николаевич лучше всего подходил на роль главнокомандующего и военного диктатора. Ведь он смог продлить белую борьбу еще на семь месяцев, преодолев хаос и почти полное разложение Вооруженных сил Юга России.

И внешняя политика Врангеля отнюдь не была авантюристической. Наоборот, он, всячески добиваясь помощи от Франции, стремился как можно дольше сохранить дружественные отношения с Англией, не отвергая идею переговоров с Советской Россией, но настаивая, чтобы переговоры эти вела английская дипломатия и чтобы врангелевская администрация рассматривалась как равноправная с Советской Россией сторона для заключения перемирия.

Врангель направил ответ на британскую ноту:

«Телеграмма адмиралу де Робек, в Константинополь, отправленная из Севастополя 22 марта (4 апреля) 1920 года.

Приказом генерала Деникина я назначен Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России и вступил в ис-

полнение моих обязанностей. Категорическое требование Великобританского Правительства прекратить борьбу ставит мою армию в невозможность продолжать таковую. Возлагая на Великобританское Правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, я отдаю участь армии, флота и населения занятых нами областей, а также всех тех, кто участвовал с нами в настоящей борьбе, на справедливое решение Великобританского Правительства.

Я считаю, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час армию юга России, оставшуюся неизменно верной общему делу союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкословенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию и, наконец, тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах Советской России.

Я имею право требовать от моих подчиненных жертвовать жизнью для спасения отечества, но я не могу требовать от тех, кто считает для себя постыдным принять пощаду от врага, воспользоваться ею.

При этих условиях я нахожу необходимым, чтобы та возможность, которую Британское Правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам, найти приют вне России, была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей Родины принятию пощады от врага.

Я готов согласиться на самые тяжелые условия для существования за границей этих лиц, чем обеспечилось бы, что этой возможностью воспользуются только те, кому совесть не допускает воспользоваться милостью врага.

Само собой разумеется, что во главе этих лиц я прошу считать меня самого.

Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым.

Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь.

Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений в связи с передачей Крыма Советскому Правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев, от дня завершения переговоров.

В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым.

Врангель».

Из этого документа видно, что во внешней политике вообще и в отношениях с Англией в частности главной целью Врангеля в первые недели пребывания у власти было потянуть время. Ему надо было любой ценой сохранить британскую помощь, хотя бы на тот период, пока не начались поставки из Франции. Большие надежды Петр Николаевич связывал с предстоящей советско-польской войной. В мемуарах он подчеркивал, что в то время отношения большевиков с поляками окончательно испортились и со дня на день можно было ожидать возобновления борьбы: «Туда были переброшены освободившиеся после разгрома армии генерала Деникина красные части, за исключением незначительного числа войск, оставленных для преследования окончательно деморализованных, потерявших всякую боеспособность, прижатых к Черному морю казаков». Если бы этой войны не случилось, белый Крым мог быть раздавлен в считаные дни. Пока же, до начала крупномасштабного военного столкновения Москвы и Варшавы, необходимо было убедить англичан, что белые готовы на переговоры с большевиками, но только при их посредничестве; что во время ведения переговоров и даже пару месяцев после их завершения армия Врангеля и беженцы будут остро нуждаться в британской помощи. Возлагая на Лондон ответственность за судьбу остатков Вооруженных сил Юга России и беженцев, барон надеялся, что британское правительство, столкнувшись с перспективой разместить сотни тысяч беженцев, укрепится в мысли, что лучше попытаться сохранить Крым как антибольшевистский анклав, предоставив его защитникам достаточно оружия для обороны. Парадоксально, но, по крайней мере на первом этапе советско-польской войны, Врангель был больше заинтересован в успехах большевиков, а не Пилсудского, поскольку угроза мировой революции должна была подтолкнуть Лондон и Париж к помощи Врангелю, чтобы он смог отвлечь как можно больше советских сил с Польского фронта. Успехи же поляков, а тем более быстрое заключение на их фоне компромиссного советско-польского мира было бы худшим сценарием для армии Врангеля. В этом случае у Англии и Франции не осталось бы никакой заинтересованности в поддержке «крымских сидельцев».

Врангель также достаточно далеко ушел — по крайней мере, на словах — от лозунга «Единая и неделимая Россия», которого слепо придерживался Деникин. Его преемник готов был предоставить самое широкое самоуправление казачьим областям, размышлял о возможности дарования автономии и украинским землям. Если бы при Деникине казакам была бы официально представлена автономия, быть может, удалось

бы избежать печальных событий, связанных с фактическим разгоном Кубанской рады. Но здесь, в Крыму, этих уступок было уже недостаточно, что подтвердило вызывающее поведение атамана Букретова в ответ на попытки Врангеля восстановить отношения с казаками. Этот инцидент описал Раковский:

«К началу апреля в Севастополе собирались атаманы всех казачьих войск: генерал Богаевский от Дона, генерал Букретов от Кубани и генерал Вдовенко от Терека. Ввиду необходимости так или иначе урегулировать вопрос о взаимоотношениях нового военного командования с казаками и принять те или иные меры в отношении войск, находившихся на восточном побережье Черного моря, под председательством генерала Врангеля состоялось несколько совещаний, в которых кроме атаманов принимали участие помощник главнокомандующего Шатилов, командующий Кубанской армией Улагай, управляющий морским ведомством адмирал Герасимов, Стариков и другие...

Когда принципиально был разрешен вопрос о донцах, Букретову был также поставлен вопрос, согласен ли он на перевозку кубанцев. Кубанский атаман ответил, что по этому поводу он опросит казаков.

— Но это митинг! — возмутился Врангель.

— Не забывайте, что я выборный атаман, — ответил Букретов. — Я не могу поступать против желания казаков.

В конце концов Букретов резко и определенно заявил Врангелю:

— Как атаман я говорю вам, что ни одного кубанского казака в Крым не перевезу, ибо кубанские казаки были в Добровольческой армии пасынками, и я не желаю, чтобы так было и в дальнейшем.

Заявление Букретова, о желании которого стать во главе Кубанской армии было определено известно главному командованию, произвело на Врангеля и присутствующих сильное впечатление. Врангель не доверял Букретову, и его опасения нашли как бы подтверждение в поведении кубанского атамана.

После категорического заявления Букретова, естественно, возник вопрос, в какой мере желательно дальнейшее присутствие его на совещании и вообще в Крыму.

— Можете уходить, — заявил Врангель Букретову, — но из Крыма вы не выедете.

Здесь же, в присутствии кубанского атамана, Врангель отдал управляющему морским отделом адмиралу Герасимову распоряжение о том, чтобы ни под каким видом не перевозить на восточное побережье Черного моря Букретова.

— Значит, вы меня арестовываете? — взволнованно спросил Букретов.

— Да, арестовываю, — ответил главнокомандующий. Букретов тогда ушел к себе в гостиницу. На участников совещания эта сцена произвела весьма тяжелое впечатление.

— Атаман является лицом неприкосновенным, — осторожно указал Врангель его помощник Шатилов.

В том же духе высказались донской и терский атаманы, которые, ссылаясь на краевые конституции, заявили, что атамана нельзя подвергать аресту.

— Что же мне с ним делать? — с недоумением спросил Врангель. — Я убежден, что он погубит Кубанскую армию и сдаст ее большевикам...

Однако в конце концов Врангель решил не разрывать с Букретовым и даже согласился назначить его командующим Кубанской армии. Тогда Шатилов во время заседания поехал к Букретову и привез его обратно. Врангель извинился перед кубанским атаманом за свою горячность.

— Если хотите, — закончил он, — то назначаю вас командующим Кубанской армией. Поезжайте с Богом к себе обратно.

Улагай, таким образом, перестал быть командующим армией, и все генералы, находившиеся в оппозиции к Букретову — Науменко, Бабиев, Муравьев и другие, — стали отчисляться от своих должностей и переезжать в Крым».

На совещании главнокомандующего с казачьими атаманами 2 апреля было достигнуто соглашение: Врангель объединял в своих руках всю полноту военной и гражданской власти без каких бы то ни было ограничений. Он стал именоваться главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (с 28 апреля — Русской армией) и правителем Юга России. В отношении казачьих вооруженных сил главнокомандующий являлся высшим военным начальником, обладающим всей полнотой власти по вопросам, связанным с ведением военных действий. Что же касается внутреннего гражданского устройства, казачьи войска и области должны были пользоваться полной автономией. Все сношения с правительствами иностранных государств должны были предприниматься казачьими органами только по соглашению с главным командованием. В свою очередь, главнокомандующий при сношении с иностранными правительствами по всем вопросам, касающимся казачьих областей, предварительно должен был ставить в известность казачьих атаманов.

Таким образом, бросается в глаза, что в тот момент Врангель еще не определился, как лучше управлять кубанцами — с помощью кнута или пряника. Вероятно, барон решил, что пряник

в долгосрочной перспективе лучше. Он отпустил Букретова к остаткам Кубанской армии в районе Сочи, вероятно, уже не надеясь, что сколько-нибудь значительное число кубанцев удастся доставить в Крым и заставить продолжать войну с красными — настолько они к тому времени были деморализованы. Поэтому-то Врангель и согласился с требованием войскового атамана об увольнении нескольких генералов, которые готовы были продолжать борьбу, и об их эвакуации в Крым.

В своих мемуарах Врангель делает существенное дополнение к рассказу Раковского о ходе совещания с атаманами:

«— А я (Н. А. Букретов. — Б. С.), как атаман, не могу допустить, чтобы казаков перевезли в Крым, где они будут пасынками, как были всегда в Добровольческой армии. В этом я не вижу надобности. Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники — генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабьев и другие.

— Раз так, то пускай сам генерал Букретов командует армией, — вспылил генерал Улагай. Я остановил его и обратился к Букретову:

— Вы упрекаете старших начальников в нежелании драться. Зная всех их, я, конечно, этому верить не могу; однако из Ваших слов мне ясно, что при подобном отношении атамана, правительства и рады к высшему командному составу последний не может иметь среди казаков должного авторитета. Вы уверяете, что казаки готовы драться с другими начальниками. Отлично, вступайте в командование Кубанской армией сами и бейте большевиков.

— Нет, командовать армией я не согласен.

— В таком случае нам разговаривать не о чем. Ответственность взять на себя вы не хотите, а агитацию безответственных лиц среди казаков против их командующего армией я допустить не могу. Можете идти, но из Крыма вы не выедете».

Из этого текста совершенно ясно: Врангель не сомневался, что с такими настроениями казаки дальше воевать не будут, а Букретов стремится лишь снять с себя ответственность за происходящее. Один из этих генералов, походный атаман Кубанского войска генерал Вячеслав Григорьевич Науменко, напротив, считал, что Врангелем была допущена крупная ошибка, когда он по требованию атамана Н. А. Букретова отдал приказ об отзыве ряда генералов с высших командных должностей в Кубанской армии. 10 апреля 1920 года он записал в дневнике: «Получил назначение вместе с Бабиевым прибыть в Сочи, куда приехал генерал Улагай и терский атаман. Здесь Улагай и Шкуро рассказали о положении дел. Атаманы Донской и Терский решили перевезти своих казаков в Крым. Улагай настаи-

вал на переводе кубанцев, но Букретов категорически воспротивился этому, говоря, что ни один кубанец не последует в Крым. Тогда Улагай отказался от командования армией и принял ее на себя Букретов, который заявил, что армия Кубанская боеспособна, настроена отлично и готова воевать, но тормозят все дело Шкуро, Бабиев, Науменко, присутствие которых в армии нежелательно. Вследствие этого генерал Врангель отдал приказ об отзывании нас в его распоряжение. Причем Улагай добавил, что Букретов желает, чтобы мы выехали до его приезда в Сочи. Итак, мы, казаки — Улагай, Шкуро, Бабиев и я — не у дел, и нас заменили Букретов, Морозов». Тем самым, по мнению Науменко, с уходом лучших генералов Кубанская армия была обезглавлена и ее интернирование в Грузию и сдача значительной части кубанцев большевикам предрешены.

Науменко рассказывал в дневнике о прибытии в Крым:

«Пришли в Ялту 14 апреля вечером. Ночевали в море. Вечером англичане устроили импровизированный концерт. Сначала вынесли на палубу граммофон, который играл какие-то странные танцы, и англичане танцевали. В 11 вечера ужинали, но наших офицеров на этот ужин не пригласили. Впечатление от этой поездки у меня самое неприятное. Нас, русских, англичане ставят ни во что. Не знаю, как я буду чувствовать за границей, а поехать туда придется.

В Ялте остановился на Бульварной улице, дом 6. Ялту видел мало, но произвела хорошее впечатление. 17-го в 8.30 пришли в Севастополь. Первый, кого я встретил, был генерал Шатилов. Он рассказал о положении дел и, между прочим, сказал, что у Романовского после его смерти найдены среди бумаг копии писем ко мне, и одно из них показал мне (это как раз то письмо, о котором упоминал Врангель в связи с убийством Романовского. — Б. С.). Значит, была слежка. Но кто же снимал копии писем, по-видимому, у меня на квартире. Из всех разговоров вывел заключение, что единодушия в штабе нет и что уверенности в том, что Крым будетдержан, также нет. Убеждаюсь, что помочь союзников дает мало. В бухте масса иностранных кораблей, но все это больше любопытные».

Если подобные упаднические настроения посещали в то время генерала, ветерана Белого движения, которому нечего было ждать пощады от большевиков, что уж говорить о простых казаках?

В Севастополе, встретившись с генералами Шкуро, Бабиевым и офицером своего штаба Тобиным, Науменко узнал о сдаче в районе Адлера атаманом Букретовым и генералом Морозовым Кубанской армии в количестве тридцати четырех ты-

сяч казаков в плен к большевикам. Сам Букретов ушел в Грузию, передав атаманскую булаву председателю краевого правительства В. Н. Иванису. К сложению оружия казаков также побудили распространившиеся слухи об английском ультиматуме с требованием начать с Советами переговоры о мире. «К всеобщему удивлению, — писал Науменко, — генерал Врангель принял Иваниса в Крыму очень любезно». Таким образом, Петр Николаевич продолжал политику привлечения на свою сторону кубанской общественности.

Науменко со слов Тобина рассказал в дневнике о судьбе кубанцев: «...после сдачи красные немедленно отделили казаков от офицеров, приказали бросить оружие, а потом начали всех грабить. Казаки возмущались, началась драка, в результате часть казаков села на лошадей и ушла. Букретов и красные старались скрыть от казаков прибытие транспортов, вследствие чего многие желающие погрузиться остались. Возмущительней всех вел себя Морозов, который ездил на переговоры с большевиками с красным бантом на груди. Так закончилась борьба кубанцев на Кавказе. Казаки проданы Букретовым, Морозовым и теперь ясно, что Главнокомандующий сделал большую ошибку, поддавшись на хитрости Букретова. Только мы уехали, начались переговоры о мире, и сбитых с толку казаков некому было поддержать».

Восемнадцатого апреля Науменко описал в дневнике встречу с главнокомандующим: «Вечером был у Врангеля, но он просил зайти завтра в 7 часов вечера, так как разговор предстоит длинный, а время его расписано по часам. Он меня спросил, получил ли я его письмо, в котором он сообщал мне об его отъезде за границу. Не получил. Очевидно, оно, как и последнее письмо Шатилова, перехвачено агентами Романовского. После Врангеля был у полковника Данилова, который рассказал мне об отзывании нас в распоряжение Главнокомандующего и о том, что в то же время было дано распоряжение атаманом о воспрещении кому бы ни было из членов армии уезжать с нами. Это произвело удручающее впечатление, так как много офицеров и казаков собирались уехать с нами в Крым».

На следующий день состоялся обстоятельный разговор двух генералов. Вячеслав Григорьевич зафиксировал его в дневнике: «Только что вечером 19 апреля вернулся от генерала Врангеля. Он предложил мне занять штабную должность в его штабе, но я попросил дать мне возможность побывать дома. На мои слова, что в случае тяжелого положения семьи я предполагаю перевезти ее сюда, он сказал, что это опасно. Относительно кубанцев — его предположения перевести их сюда, сорганизовать и месяца через два перебросить на Таман-

ский полуостров. Генерал Врангель верит в восстание на Кубани, но я считаю, что сейчас оно невозможно. Выступление возможно в июле или в августе, т. е. после уборки хлеба, который большевики пожелают социализировать. Рассказал мне Врангель о своих разговорах с Букретовым, он постоянно жаловался на кубанских генералов, что мы помеха всему. Врангель находит, что сейчас время выбросить Букретова из атаманства и принять эту должность мне. Я категорически отказался».

Вечером 22 апреля в Севастополь прибыл генерал Бабиев, который подробно рассказал о сдаче Кубанской армии. С этими сведениями Богаевский, Бабиев и Науменко пошли к Врангелю. По словам Науменко, «он нас принял немедленно и сказал, что получил сведения об этом от англичан и что положение далеко не так плохо, что лучшие части в числе 9 тыс. человек плывут в Феодосию (кубанцы, донцы и Терско-Астраханская бригада. — Б. С.), часть казаков ушла в Грузию, часть в горы и на Красную Поляну и лишь незначительная часть сдалась большевикам (34 тыс. — это незначительная часть!). Здесь мы обсудили вопрос, как быть дальше, и решили возможно скорее сорганизовать кубанцев».

Думается, что в данном случае Петр Николаевич несколько лукавил. Он-то хорошо понимал, что основная часть Кубанской армии оказалась в руках большевиков. Но на казаков он сейчас не надеялся, рассчитывая, что за оружие они снова смогут взяться, только испытав на себе все прелести советской власти. Науменко же хотя и был врангелевским выдвиженцем, по его представлению получившим генеральский чин, не сомневался во враждебности Врангеля идеям кубанской автономии и не мог простить ему фактического разгона Рады. Он уже осознал, что борьба бесперспективна, поэтому в мае—июле посетил Болгарию и начал переговоры о возможном размещении казаков в этой и других соседних странах.

Тем временем Врангель предпринял усилия, чтобы заручиться французской поддержкой. Его главный помощник по иностранным делам П. Б. Струве встретился во Франции с симпатизировавшим белым заместителем министра иностранных дел Морисом Палеологом, бывшим послом в Петрограде.. Новый председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции Александр Мильеран поддерживал Польшу в только что начавшейся советско-польской войне, а это открывало перспективу поставок французского оружия и снаряжения в Крым.

Перед самым отъездом из Парижа в Крым, 8 (21) мая, будущий глава врангелевского правительства А. В. Кривошеин,

по характеристике Петра Николаевича, «государственный деятель, обладающий исключительными данными», получил от Палеолога заверение во французской поддержке Врангеля в случае нового советского наступления в Крыму и содействии в проведении эвакуации, если это потребуется. Барону также выражали сочувствие английские военные представители в Константинополе и в Крыму. Они даже снабжали белые войска в Крыму в счет остатков кредитов, отпущеных Деникину. 16 (29) мая начальнику британской миссии в Севастополе генералу Перси пришлось передать Врангелю правительенную ноту, в которой подчеркивалась неизменность курса, а глава Белого движения получал предостережение от излишних ожиданий: «Британское правительство указало мне разъяснить генералу Врангелю, что он не должен ожидать никакой перемены в британской политике, как следствие наступления поляков. Правительство Его Величества неуклонно разрешило приложить старания к прекращению военных действий на юге России в возможно непродолжительный срок. Советское правительство приняло британское предложение о ведении переговоров на основании общей амнистии, и лорд Керзон отправляет в самом непродолжительном времени политического представителя для содействия генералу Врангелю, а до того времени советское правительство согласно на принятие участия в переговорах британского военного представителя».

Пока польское наступление на Украине продолжалось, а советские контратаки сравнительно легко отражались поляками, Лондон не проявлял большой заинтересованности в наступлении белой армии в Крыму. Но очень скоро инициатива на Польском фронте перешла к советской стороне, и британское правительство стало более внимательно относиться к крымской проблеме.

Накануне начала наступления белых в Северной Таврии, 23 мая (5 июня) британский представитель в Константинополе адмирал де Робек сообщил Врангелю, что английский флот не сможет поддержать наступление, но будет по-прежнему защищать побережье Крыма. На следующий день Врангель получил известие, что английским кораблям был дан приказ задерживать военные грузы, предназначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, пусть даже и на русских судах. Это могло воспрепятствовать продолжению наступления Русской армии. 31 мая (13 июня) Врангель вызвал британского представителя генерала Перси и заявил ему, что заканчивает занятие территории, необходимой для организации снабжения Крыма, и хотел бы прояснить вопрос о реальных гарантиях ее неприкосновенности в случае осуществления намечавшихся

англичанами переговоров с большевиками: «Генерал Врангель просит английское правительство сообщить свой взгляд на это дело в возможно более краткий срок, дабы он мог в соответствии с этим принять то или иное решение, ибо только при наличии реальных гарантий и продолжении поддержки со стороны союзников Главнокомандующий может не переходить за пределы намеченной им для указанной цели территории. Генерал Врангель подчеркивает, что было бы совершенно невозможно, в случае наступательных действий противника, ограничиться пассивной обороной. Из опроса пленных выясняется, что большевистская армия должна была перейти в общее наступление на Крымский полуостров 27-го мая ст. стиля, т. е. через два дня после нашего наступления, предпринято го Главнокомандующим, дабы выхватить инициативу из рук противника. Обстоятельство это вновь подтверждает всю необходимость реальной гарантии».

Петр Николаевич стремился представить наступление Русской армии как превентивную меру против ожидавшегося советского наступления. Но на самом деле красные как раз 27 мая (9 июня) прорвали Польский фронт на Украине. В Крыму же советское командование предполагало придерживаться оборонительного образа действий, тем более в свете переговоров с Англией о прекращении боевых действий на юге России. Можно понять возмущение англичан тем, что Врангель, не получив их одобрения, вторгся в Северную Таврию. Но прорыв Польского фронта Конармией Буденного изменил политическую ситуацию. Англия стала относиться к белому Крыму более лояльно. Поэтому, как писал Врангель в мемуарах, «путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже большинство грузов удавалось, хотя и с трудом, доставлять в Крым».

На следующий день после начала наступления белых войск, 26 мая (8 июня), Струве был принят Мильераном, который, с одной стороны, подтвердил, что Франция поддерживает Врангеля, с другой — рекомендовал ему не портить отношения с Англией. Для этого требовалось заверить англичан, что правительство Врангеля согласно на проведение мирных переговоров, но оставляет за собой право отказаться от капитуляции без надежных гарантий.

Двадцать пятого марта 1920 года прошла церемония вступления Врангеля в должность главнокомандующего. Петр Николаевич хорошо запомнил этот миг своего торжества и так описал в мемуарах собственную инаугурацию:

«...на Нахимовской площади был назначен торжественный молебен и парад войскам. После обедни в соборе крестный ход

во главе с епископом Вениамином под колокольный звон направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные ходы из других церквей. Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой. Здесь стояла группа высших чинов и представители союзнических миссий. Окна, балконы, даже крыши домов были усеяны зрителями. Стоял тихий солнечный день. Голубое небо отражалось в гладкой, как зеркало, бухте. Плавно неслись звуки церковного пения соборного хора, в неподвижном воздухе не трепетал огонь многочисленных свечей, стоял дым кадильного курения. Молебен кончился, епископ Вениамин огласил изданный накануне указ Правительствующего Сената».

Этот указ гласил:

«...Именем закона, Правительствующий Сенат слушали: Приказ от 22-го марта 1920 года бывшего Главнокомандующего генерала Деникина о назначении Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона Врангеля и приказ последнего о вступлении его в должность.

Приказали: Промыслом Божиим предназначено новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент, когда, невзирая на героические усилия доблестной армии, большевистские полчища стоят на подступах к Крыму и мирное население, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряет уверенность в будущем. В этот грозный час с честью вывести армию и население из настоящего беспримерно трудного положения и отстоять оплот русской государственности на Крымском полуострове может только крепкая вера в нее и сильная воля любимого войсками вождя. Проникнутая беззаветной любовью к Родине, решимость не знавшего поражений и заслужившего всеобщее доверие генерала Врангеля принять на себя великий подвиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины. Правительствующий Сенат, со своей стороны, в сознании лежащей на нем обязанности утверждения законности и порядка, почитает своим долгом призвать все органы государственного управления и всё население страны к дружному объединению под властью нового Главнокомандующего, к полному ему повиновению, к честному и самоотверженному служению нуждам армии, не за страх, а за совесть и не щадя живота своего, и к сохранению в тылу спокойствия, порядка и бодрости духа. В

благовейном упованиях на милосердие Господне к исстрадавшейся родине нашей и с непоколебимой верой в нового народного вождя, которому отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений, — Правительствующий Сенат определяет: особым указом дать знать о сем всем присутственным местам и должностным лицам и распубликовать сей указ во всеобщее сведение. Марта 24-го дня 1920 года.

Обер-Секретарь П. Мезенцов

Помощник Обер-Секретаря С. Бубель-Яроцкий
По Общему собранию Правительствующего Сената».

«Прочувственное слово, — продолжает рассказ Врангель, — сказал протопресвитер Шавельский, благословил меня иконой Св. Михаила Архангела.

На возвышение поднялся епископ Вениамин.

— Слушайте, русские люди, слушайте русские воины, слушайте вы, представители наших союзников, слушайте вы, те большевики, которые находитесь здесь, среди толпы... — звянящим, покрывающим всю площадь голосом начал владыка. Он говорил о тяжких страданиях, ниспосланных нашей родине свыше, как искупление за грехи всех слоев русского народа, о высоком подвиге, который совершают те, которые среди развала и позора родины чистым несут родное русское знамя, о том тяжелом крестном пути, которым, вот уже несколько лет, идет русская армия. — Путь этот тернист, он не кончен.

Мы только что перенесли тяжелые испытания, ближайшее будущее, быть может, готовит нам новые. Но вера творит чудеса, тот, кто верит, кто честно и мужественно идет указанным ему совестью путем, тот победит. Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала; быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...

Сказанная с огромным подъемом и необыкновенной силой проповедь произвела большое впечатление».

После этого священники окропили полки святой водой. Врангель, поднявшись к памятнику адмиралу Нахимову, обратился к войскам. В мемуарах он так передает свою речь: «Обрисовав в нескольких словах наше тяжелое положение, я сказал, что без трепета и колебания стал во главе армии в эти дни. Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России».

Войска церемониальным маршем проходили мимо нового главкома. В этот момент он испытал сильные эмоции: «Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые, заплатанные сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестят глаза, твердо отбивают шаг. Где-то в глубине души шевелится теплое, бодрое чувство: “Нет, не все еще потеряно, нет, мы можем еще держаться...”».

Совершенно другими глазами смотрел на этот эпизод человек, явно враждебный к Врангелю, друг Маяковского Павел Ильич Лавут: «Весной на площади у Графской пристани, возле памятника Нахимову, я наблюдал церемонию вручения скипетра Врангелю. Народу было маловато. Отслужили молебен, офицеры троекратно проорали “ура”, и архиепископ закончил свою речь так: “Петр — по-гречески камень. Мы не сомневаемся в том, что барон Петр Николаевич Врангель оправдает свое имя и недалек час, когда Россия станет единой и неделимой”».

В Севастополе Врангель разместился в так называемом Малом дворце — одноэтажном особняке с небольшим садом, выстроенным когда-то для великого князя Алексея Александровича, генерал-адмирала флота. Там же поселились Кривошеин и Шатилов.

Главнокомандующий вставал рано и работал, по его собственному утверждению, по 10—12 часов в день. С восьми часов утра он принимал должностных лиц и просителей. Перерыв на обед продолжался с часу до двух дня, после чего возобновлялся обычный прием посетителей. После шести часов вечера у Врангеля проходили наиболее важные встречи, которые могли затянуться до ночи. Перед ужином барон, если удавалось, подобно Гарун-аль-Рашиду, в сопровождении адъютанта совершил прогулку по Севастополю, осматривая государственные учреждения и лазареты, а после ужина работал часов до одиннадцати-двенадцати. Обедал барон с женой и тещей, часто к трапезе приглашался Кривошеин или кто-либо еще из министров или генералов. С Врангелем всегда обедали и дежурные офицеры конвоя. Политических разговоров за столом никогда не велось. Еда состояла лишь из одного блюда с гарниром, и каждому полагался один стакан крымского вина.

Петр Николаевич за делами не забывал и о любимой страсти — охоте. 8 (21) сентября 1920 года он увлеченно описывал свои охотничьи подвиги в письме жене, которая в тот момент находилась в русском консульстве в Константинополе:

«Ее Превосходительству баронессе Ольге Михайловне Врангель.

...На днях Шатилов уговорил поехать меня за 8 верст от города и пострелять перепелов, которых сейчас пропасть. Достали собаку, какие-то ружья, и за два часа выскочило 100 штук на три ружья, я один взял 40.

Походил и отдохнул от забот. Очень прошу Дмитрия приготовить одно из его ружей 12-го калибра, заказать и прислать мне несколько сот патронов 10 №, а также пороху, дроби и пыжей для перестрелки.

Пока кончаю, обнимаю Тебя и деток, да хранит Вас Бог. Всем привет.

Петруша».

Когда Врангель шел по улицам Севастополя, его легко узнавали уже издалека: он был очень высокого роста (1 метр 93 сантиметра), с удлиненной, «птичьей» головой, с большими глазами навыкате и длинной шеей. Одет он был в светло-серую или темную черкеску и папаху-кубанку. На поясе висел традиционный для кубанцев кинжал, который Петр Николаевич иной раз использовал совсем не по назначению. Журналист А. А. Валентинов вспоминал, как на одной станции, где остановился поезд Врангеля, «главком, увлеченный спором во время прогулки по платформе, вытащил кинжал, присел на корточки и принялся чертить на асфальте какую-то схему».

Шульгин передал свои впечатления от новой встречи с главнокомандующим: «Меня поразила перемена в его лице. Он помолодел, расцвел. Казалось бы, что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима с той, которую он нес там, в Царицыне. Но нет, именно сейчас в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойное напряжение очень сильного, постоянного тока».

Врангель мечтал исправить ошибки Деникина, поставить белую борьбу на прочную социальную базу и использовать Крым и занятые в ходе боев прилегающие к нему губернии в качестве положительного примера, который должен был наглядно продемонстрировать народу России, что при Врангеле живется лучше, чем при Ленине. Однако Крым, практически лишенный продовольствия и каких-либо ресурсов, для такого эксперимента не подходил. Требовалось занять более обширную территорию, а это неизбежно растягивало линию фронта, но отнюдь не гарантировало, что в новоподчиненных губерниях удастся получить существенное пополнение для Русской армии. Нужны были привлекательные политические лозунги и реформы.

Кроме того, даже простая оборона Крыма была невозможна без помощи извне. Территория, занятая войсками генерала Врангеля, в своем максимальном объеме в октябре 1920 года

почти соответствовала территории бывшей Таврической губернии, а в наше время — входящих в состав Украины Республики Крым, левобережной части Херсонской и восточной части Запорожской областей. Ее площадь составляла около 60 тысяч квадратных километров, что примерно равнялось площади Бельгии и Голландии, вместе взятых. В тот период на ней находилось около трех миллионов человек, считая коренных жителей, беженцев и армию. Постоянно под контролем белого правительства находился лишь Крымский полуостров.

Промышленности в Крыму было мало. Крупнейшим предприятием являлся портовый завод в Севастополе, обслуживавший военные корабли. Из природных богатств можно назвать соль, лес и угольное месторождение в горной области, близ Бешуя, в районе Бахчисарайя.

Северная Таврия не знала земельного голода — захваченная у помещиков и состоятельных крестьян земля в 1919 году обрабатывалась не полностью. Правда, причиной этому был не столько избыток сельскохозяйственных земель, сколько военные действия и многочисленные реквизиции продовольствия и мобилизации населения, проводимые как красными, так и белыми. Тем не менее в этой области, до революции широко экспортавшей зерно, вплоть до 1920 года имелись значительные запасы продовольствия. Порядка пятнадцати бывших крупных имений советскими декретами были превращены в совхозы, а на практике дотла разграблены войсками, бандами анархистов и крестьянами. В степной части Крыма также было немало незасеянных земель, но даже их использование не смогло бы обеспечить хлебом его коренное население и многочисленных беженцев.

Со столь ничтожными ресурсами нельзя было не только надеяться победить остальные 49 российских губерний, но даже сколько-нибудь долго удерживать Крым.

Врангель вспоминал, какими, подчас жестокими, способами приходилось действовать:

«Генерал Кутепов железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров. Местные либерально-общественные круги во главе с симферопольским городским головой Усовым стали генералу Кутепову в оппозицию, предъявляя от имени общественности протесты против смертной казни и т. д. Я предложил городскому голове на другой день прибыть в Севастополь. Сообщая о его выезде, либеральная пресса намекала, что в связи с вызовом симферопольского городского головы к Главнокомандующему ожидается ряд перемен в высшем командовании, что главным командо-

ванием, вероятно, принятые будут меры против самовольных действий некоторых высших чинов и т. п.

Городской голова вошел в мой кабинет с видом победителя. Но, видя, что я не подаю ему руки и не прошу сесть, заметно смущился.

— Я знаю о неладах Ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний, — сказал я. — Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или Вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелеваю. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не Вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устранию всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю Вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались Вы.

Господин Усов вышел из кабинета как в воду опущенный. Через день газеты сообщили, что “вернувшийся из Севастополя симферопольский городской голова отказался сообщить подробности своего разговора с Главнокомандующим”. Еще через несколько дней те же газеты сообщили, что господин Усов тяжело заболел и подал в отставку».

Бывший жандармский генерал Е. К. Климович, имевший большой опыт борьбы с революционным движением, был назначен начальником Особого отдела штаба главнокомандующего. Врангель считал Климовича «весомым и честным человеком» и очень высоко ценил его работу, приводя в доказательство тот факт, что была перехвачена радиограмма, отправленная в Москву севастопольским большевистским подпольем, с требованием «выслать срочно ответственных работников, так как таковых в Крыму не осталось». «Блестящая аттестация генералу Климовичу», — резюмировал Петр Николаевич.

Начало правления Врангеля ознаменовалось казнями в тылу. Было повешено и расстреляно несколько десятков человек, в том числе члены крымско-татарской мусульманской группы, выступавшие за независимость Крыма и сотрудничавшие с большевиками, матросы-севастопольцы, обвиненные в подготовке восстания, 13 участников подпольной организации в Симферополе, члены городского комитета большевиков Керчи и руководство ялтинского комсомола. Десять из пятнадца-

ти осужденных по делу Союза коммунистической молодежи Ялты были повешены Кутеповым. На фронте расстреливали значительно чаще, но точной статистики здесь нет. Под расстрел попадали прежде всего коммунисты, а также лица, уличенные или заподозренные в активной помощи красным.

Тем не менее публичные казни барон запретил, чтобы не волновать население. Между прочим, большевики, расстреливавшие людей куда более щедро, чем белые, никогда не производили публичных казней, посему у них не в ходу была казнь через повешение. Точно так же красные никогда не пороли крестьян, равно как и других подозреваемых в контрреволюционной деятельности, тогда как карательные отряды белых широко практиковали, наряду с расстрелами и виселицами, порку крестьян. Это вызывало у крестьян неприятные ассоциации с временами крепостного права, да и более поздними, когда порка была самым обыденным видом наказания со стороны ненавистных помещиков.

К 1 августа 1920 года в тюрьме в Севастополе находилось 90 человек, заподозренных в большевизме, а в Симферополе — 160. Два месяца спустя, 1 октября, в Севастополе содержалось 190 политзаключенных, а в Симферополе — 373.

Происходили аресты и членов небольшевистской оппозиции. Так, был арестован народный социалист А. П. Лурья (Лурье), соредактор либеральных «Южных ведомостей», а также правые эсеры — товарищ председателя рабочего клуба союза моряков Пчелин, секретарь клуба Рулькевич, член правления Гапонов. И. Е. Марков, известный крымский эсер, был убит якобы при попытке к бегству. Его гибель вызвала большой шум в прессе, и двое непосредственных убийц получили по 20 лет каторжных работ, а вот его организатор, войсковой старшина В. И. Кривошеев, отделался четырьмя месяцами заключения в крепости.

Одннадцатого мая Врангель приказом установил новое административное наказание: «Высылка в Советскую Россию лиц, изобличенных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр.». Введение этой меры главнокомандующий в мемуарах обосновывал тем, что «число тюрем было весьма ограничено и не могло вместить всех осужденных». Но широкого применения высылка не получила и коснулась лишь нескольких десятков лиц, «изобличенных в явном сочувствии большевизму». Она действовала скорее как угроза, поскольку многим деятелям небольшевистской оппозиции в Советской России угрожали тюрьма или смерть.

В сентябре Врангель объявил широкую амнистию как уголов-

ловных, так и политических преступников. По свидетельству прокурора И. М. Калинина, были освобождены даже люди, состоявшие в нелегальной организации, переправлявшей желающих через линию фронта на советскую сторону.

В газетах стали обычными объявления: «Жительнице города Севастополя Зинаиду Александровну Сосновскую, изобличенную в явном сочувствии большевикам, как бывшую сотрудницу большевистской газеты “Известия” и высказывающуюся всегда за избиение офицеров и духовенства... — выслать; надворного советника Кузанова Петра Соломоновича, двукратно служившего большевикам, приговоренного к 20 г. каторги и помилованного, но продолжающего сочувствовать большевикам, — выслать» и т. п.

Председателя Крымпрофа и Севастопольского совета профсоюзов, товарища председателя городской думы Севастополя, почетного мирового судью Н. Л. Канторовича должны были выслать в Советскую Россию 23 августа. Но гласные думы М. К. Рыбарский и Н. И. Емельянов добились аудиенции у Врангеля, убедили его, что Советы наверняка посадят Канторовича, а то и расправятся с ним еще более жестко, и добились, чтобы профсоюзного деятеля выслали в Грузию или Константинополь — на его выбор. 15 (28) сентября на пароходе «Возрождение» Канторович, не раз сидевший еще при царе, вместе с семьей отплыл в Грузию. Вместе с ним выслали товарища председателя союза металлистов С. Г. Тимченко, секретаря союза И. Е. Дьяченко и еще нескольких профсоюзных активистов.

По обвинению в связях с Москвой были ликвидированы Центросоюз — главный кооперативный орган Крыма, подчинявшийся московскому Центросоюзу, и его отделения.

В первые недели после принятия Врангелем власти положение в Крыму было критическим. Полуострову грозил голод. При годовой потребности в девять миллионов пудов зерновых на складах имелось всего 130 тысяч пудов муки. Весной армия снабжалась за счет остатков кредита в 14,5 миллиона фунтов стерлингов, предоставленного Англией еще Деникину.

Я. А. Слащев вспоминал тогдашнюю атмосферу: «...Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награбить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения».

В таких условиях Врангель хотел лишь «сохранить честь вверенного армии Русского знамени». Он полагал, что «в осажденной крепости должна быть единая власть — военная».

Главнокомандующий стремился облегчить тяготы, которые население несло от армии, издавая приказы, запрещавшие самовольные реквизиции лошадей, скота и продовольствия, а также регламентирующие постой войск. Но в условиях дефицита практически всех предметов снабжения эти приказы если и соблюдались, то только в Севастополе, Симферополе, некоторых других крымских городах, где и так мало что можно было реквизировать, но не на фронте в Северной Таврии. С первых же дней своего правления генерал Врангель начал принимать меры против грабителей и насильников в армейских частях. Сообщая в приказе от 27 марта о расстреле солдата-грабителя, барон прибавил: «Ходатайство о помиловании мною отклонено. Впредь осужденным за грабежи и их родственникам с таковыми ходатайствами ко мне не обращаться». Суровые приговоры касались не одних солдат. Например, 22 сентября в Симферополе был расстрелян полковник за похищение лошадей у извозчика с нанесением ему ран.

В апреле было издано несколько приказов, запрещавших самочинные конфискации у местных жителей.

Приказ главнокомандующего по гражданскому управлению от 10 мая установил правила снабжения войск у населения:

«...категорически запрещаю всякие реквизиции продуктов, скота, лошадей, перевозочных средств и т. д. у местного населения, как вызывающие постоянные нарекания и жалобы.

Реквизиции в порядке указанного выше приказа могут быть допущены только в случае особой крайности, как исключение, с разрешения начальника Управления снабжения и особыми комиссиями с участием чинов интендантского ведомства и представителя Государственного контроля.

Для обеспечения войск продовольствием, необходимыми предметами, а также перевозочными средствами **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. В случае невозможности достать для части продукты, предметы первой необходимости воинского обихода, перевозочных средств и т. д. путем покупки или найма войсковые части должны обращаться к местной администрации (городской или сельской), которая и обязана, по разверстке между населением, поставить необходимое к назначенному времени.

2. За всё полученное войсковые части обязаны немедленно уплачивать владельцам или администрации, в зависимости от того, кто будет уполномочен жителями сдавать продукты и пр.войсковой части, наличными деньгами или чеками...»

Это и другие подобные распоряжения во многом оставались на бумаге. Так, в приказе от 27 июля Врангель вынужден был признать:

«...войсковые части, занимая целый ряд бывших Советских имений, до приема их в казенное Управление соответствующими органами земледелия и землеустройства, реквизируют все запасы хлеба, фуража, скота (даже племенного) и т. д. для собственного потребления, а также распределяют захваченное.

Такие действия со стороны войск, причиняя неисчислимый ущерб хозяйству и казне, вызывают справедливое негодование со стороны людей, обслуживавших эти имения, и являются преступными».

Хотя главнокомандующий и приказал «всем принять решительные меры к прекращению подобных расхищений и уничтожения богатства страны и предавать виновных Военно-Полевому Суду», однако нет данных о том, что кто-либо был осужден за такого рода реквизиции, совершившиеся с ведома старших начальников.

И. М. Калинин, бывший начальник военно-судной части Донского корпуса, отмечал в мемуарах: «Не прошло и недели с начала наступления, как ходоки из деревень “завоеванной” Северной Таврии запрудили все учреждения Крыма с жалобами на самочинные реквизиции лошадей, упряжи и “таchanok” (телег), а иногда и на грабежи». Поэтому от военно-судных комиссий, по его словам, получилось «не много проку»: «Организация их была чересчур сложна и нецелесообразна. Председателями для большего весу и авторитета назначались заслуженные строевые генералы; членами комиссий, в числе шести, — строевые штаб- и обер-офицеры, юристы и не юристы. Только делопроизводителем комиссии назначался офицер или чиновник обязательно с юридическим образованием... В председатели комиссий попадали или робкие люди, совершенно не понимавшие своей роли, или громовержцы, возомнившие о себе выше меры. Одни бездействовали, другие проявляли усердие не по разуму. Одни распустили своих подчиненных, другие гнули их в барабан рог, рассматривая свою комиссию как строевую часть. Члены комиссий никак представить не могли, как это им придется хватать своих старых товарищей и судить их за те деяния, в которых каждый из них был сам грешен тысячи раз... Намерение вождя создать белую чеку (ЧК. — Б. С.) для искоренения преступности потерпело крах».

Из-за такой корпоративной солидарности число вынесенных обвинительных приговоров было мизерным. И казаки, и добровольцы активно выгораживали своих. Вместе с тем, как подчеркивает Калинин, «самый факт существования военно-судебных комиссий, конечно, действовал оздоровляющее на войска».

По свидетельству доктора Аитова, ездившего осенью в Крым для передачи от французов санитарного снабжения, «войско Врангеля дисциплинировано, не грабит, не бесчинствует, солдаты накормлены». В. А. Оболенский также подтверждает, что армию удалось взять в руки и жалобы населения на ее бесчинства почти прекратились.

Во всех городах вводилась карточная система снабжения хлебом в зависимости от наличных запасов. Городские органы должны были выдавать по карточкам «не более одного фунта на едока в сутки». При такой норме, как писал Врангель, можно было «дотянуть при существующих запасах муки до нового урожая». Врангель запретил даже изготовление сладких кондитерских изделий. Предусматривалось также при выпечке хлеба обязательное добавление в ржаную или пшеничную муку 20 процентов ячменя. Войскам запрещалось брать хлеб из частных лавок — за этим должны были следить начальники гарнизонов. Армия получала хлеб из своих пекарен, на которые карточная система не распространялась.

Правительственные агенты в деревнях уплачивали 75 процентов закупочной цены зерна деньгами, а в счет остальных 25 процентов, предполагалось, крестьяне могли получить из лавок Управления торговли и промышленности мануфактуру и сельскохозяйственные орудия, что не всегда обеспечивалось. Закупленные зерновые поступали на рынок, что понижало рыночную цену хлеба.

Тринадцатого июля ввиду улучшения продовольственного положения карточная система снабжения хлебом была отменена.

Дабы уменьшить дефицит продовольствия путем использования рыбных ресурсов Черного моря и под предлогом привития населению Крыма православных ценностей были введены как для армии, так и для населения три постных дня в неделю. Запрещался вывоз за пределы Крыма хлеба, рыбных продуктов и различных жиров. В то же время врангелевское правительство стремилось импортировать продовольствие: солонину и мясные консервы — из Болгарии, жиры — из Константинополя и т. д.

Врангель издал ряд приказов против спекулянтов. 19 мая, например, он призвал к бойкоту торговцев, «непомерно повышающих цены», и к образованию союзов потребителей.

Но 12 сентября в очередном приказе главнокомандующему пришлось констатировать: «...вместо отказа от приобретения продуктов по спекулятивным ценам и активного противодействия безудержной алчности отдельных лиц посредством организации кооперативов, общественных лавок, столовых,

хлебопекарен и т. п. население покупает эти продукты, и в том числе даже не являющиеся предметами необходимой потребности, по любым ценам и, таким образом, само потворствует интересам преступной наживы. Более того, некоторая часть населения занимается усиленной скupкой ценностей и иностранной валюты и, содействуя тем самым не вызываемому разумными основаниями обесценению нашего рубля, затрудняет работу Правительства в области финансовой и продовольственной политики. Между тем переживаемый исключительный момент Русской истории властно требует крайнего напряжения сил всех граждан вообще и каждого в отдельности и не допускает бездеятельного и безучастного отношения общества к вопросам государственного значения в то время, когда на его защиту на фронте проливается кровь лучших наших сынов».

Барон упорно не желал понимать, что голод не тетка — купиши продукты по любой цене. Он также отказывался принять то, что очень многие не верили в прочность белого Крыма и спешили, если была такая возможность, обзавестись валютой и ценностями, чтобы было на что существовать в эмиграции. К тому же крупные экспортно-импортные дельцы перехватывали львиную долю продовольствия, поскольку, в отличие от государственных организаций, платили не бумажными деньгами, а дефицитными промышленными товарами (сельскохозяйственный инвентарь, ткани, обувь, керосин, спички, мыло).

Всё же в Крыму и Северной Таврии осенью 1920 года было заготовлено достаточно зерна, мяса и растительного масла, чтобы более или менее благополучно дотянуть до урожая 1921 года.

Врангель также начал перестройку системы управления. Приказом от 29 марта он объявил «Положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России», гласившее:

«Правитель и главнокомандующий вооруженными силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему.

Непосредственно Главнокомандующему подчиняются:
помощник главнокомандующего,
начальник его штаба,
начальник военного управления,
начальник морского управления — он же командующий флотом,
государственный контролер,

начальник гражданского управления, ведающий: внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением,

начальник хозяйственного управления, ведающий: финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения,

начальник управления иностранных сношений.

Все эти лица составляют при Главнокомандующем совет, имеющий характер органа совещательного».

Этот совет, преобразованный затем в правительство Юга России, продолжал оставаться совещательным органом. Председательствовал на заседаниях обычно помощник главкома генерал П. Н. Шатилов, а затем прибывший в Крым А. В. Кривошеин, 24 мая назначенный помощником главнокомандующего и правителя по гражданской части. Шатилов же стал начальником штаба главнокомандующего. 15 июня генерал Врангель учредил Управление торговли и промышленности и Управление земледелия и землеустройства.

Барон ввел при командаирах корпусов должности начальников гражданской части, которые наделялись правами губернаторов. Подчиняясь командаиру своего корпуса, такой чиновник получал руководящие указания из Севастополя, от начальника Гражданского управления. Однако уже в конце июля 1920 года гражданские части были расформированы, так как их деятельность «вносила на местах излишний параллизм, путаницу и неразбериху». Фактически власть осталась у военачальников, которые, в частности, самостоятельно решали вопросы снабжения войск за счет местного населения, игнорируя попытки начальников гражданской части как-то упорядочить реквизиции.

Деятельность контрразведок, являвшихся при Деникине «самым преступным элементом» Белого движения, была поставлена под прокурорский надзор. В целях повышения эффективности работы и исключения злоупотреблений из их ведения изымались дела неполитического характера и передавались в уголовный розыск.

Врангель издал приказ от 6 апреля, согласно которому воинские начальники лишились исключительного права возбуждать уголовные дела против своих подчиненных. Предание суду теперь должно было производиться не по усмотрению начальства, а путем непосредственного внесения военно-прокурорским надзором обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для объявления в приказе. Исключение из этого правила было сделано лишь для высших начальников (на уровне командиров дивизий и корпусов): для

их привлечения к суду необходимо было согласие их начальства или главного военного прокурора.

Приказами от 14 апреля и 5 мая при начальниках гарнизонов и комендантах крепостей, при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад были созданы военно-судные комиссии, независимые от местного строевого начальства и подчиненные непосредственно главному военному прокурору. Они должны были рассматривать все дела о кражах, незаконных реквизициях и действиях, причиняющих стеснения местным жителям. Суду этих комиссий подлежали как военнослужащие, так и гражданские лица. Приговор утверждался соответствующим военным начальником. В случае несогласия они должны были передать дело на рассмотрение в корпусной или апелляционный военно-окружной суд. Приказом от 3 июня в состав военно-судных комиссий были включены по два крестьянских представителя от волостного земства с правом совещательного голоса.

Полковник И. М. Калинин вспоминал: «Открытые, вопиющие грабежи удалось сократить. Но насаждение законности в войсках осталось невыполнимым благим пожеланием вождя».

Тот же Калинин хорошо описал возникшую перед властью дилемму, когда, с одной стороны, для поддержания порядка надо было наказывать за грабежи, а с другой — войска не получали централизованного снабжения: «Генерал Ронжин (главный военный прокурор Вооруженных сил Юга России, а впоследствии и Русской армии. — Б. С.) явился в ненавистный ему штаб как грозный судия, держа в руках карающий меч правосудия. Велико же было его изумление, когда он узнал, что карать, пожалуй, и не придется, так как самовольная реквизиция лошадей и подвод вызывалась исключительно боевой необходимостью. Или отнимать лошадей и идти вперед, или ни у кого ничего не тронуть и отступать в Крым, — другой альтернативы у донцов не существовало, когда они столкнулись с неприятелем. Дальнейший месяц войны показал, что эта альтернатива постоянно стоит перед всей врангелевской армией, не имеющей никаких запасов».

На военно-судные комиссии была возложена обязанность возмещать населению стоимость реквизиций. Однако большого восторга от этого пострадавшие не испытывали, поскольку возмещение производилось стремительно обесценившимися врангелевскими бумажными деньгами. Поскольку французский заем получить так и не удалось, единственным способом покрытия бюджетного дефицита была эмиссия дензнаков, что вело к стремительному росту инфляции. Денег постоянно не хватало. Только за месяц с 15 сентября по 15 ок-

тября правительство дало Феодосийской экспедиции наряд на печать знаков на сумму 60 миллиардов рублей, а выполнен этот наряд был лишь на $\frac{3}{4}$. Всего с апреля по октябрь 1920 года Феодосийская экспедиция напечатала купюры номиналом от 100 до десяти тысяч рублей на общую сумму в 176 869 295 тысяч рублей и так и не выпущенные в оборот 25-тысячные купюры на сумму около шести миллиардов рублей. Общая эмиссия, таким образом, составила около 183 миллиардов рублей, то есть на каждого жителя Крыма и Северной Таврии приходилась примерно 61 тысяча рублей. А купить на них в сентябре в Севастополе можно было, например, 61 арбуз или 305 фунтов хлеба. С учетом того, что врангелевская эпопея продлилась около семи месяцев, этих денег могло хватить в среднем на полтора фунта хлеба на человека в день, что означало полуголодное существование даже с учетом того, что крестьянство жило по большей части натуральным хозяйством. Врангелевскими купюрами были завалены помещения всех банков и финотделов в Крыму. Недоверие населения к ним было вполне оправданно: вошедшиими в Крым большевиками эти банкноты, равно как и деньги, выпущенные при Деникине, были сразу же изъяты из обращения.

К 8 апреля П. С. Махров подготовил для Врангеля доклад, в котором был подведен итог деникинского правления и намечены «новые пути, методы и средства к тому, чтобы продолжать борьбу с надеждой на успешное ее окончание».

Махров утверждал: «Все данные указывают, что подавляющая часть русского народа почти исцелилась от большевистской заразы; ненавидит советскую власть и с радостью пойдет за той властью, которая, освобождая народ от большевистского ига, осуществит ожидаемые народом чаяния».

В числе этих чаяний, «навсегда вкоренившихся в народную душу», он называл: «1) земля, 2) народоправство, 3) лозунг “Долой гражданскую войну”, 4) рабочий вопрос, 5) восстановление гражданского порядка и законности...»

Для привлечения народных масс на сторону белого правительства Крыма начальник штаба главнокомандующего предлагал провести ряд мер по реализации этих лозунгов. По его мнению, крестьяне должны быть дополнительно наделены землей, ликвидировано крупное землевладение, в противовес социалистам сохранен незыблемым принцип собственности и укреплен юридическим порядком с выдачей официальных документов («выкуп и “бумаги с орлом”»).

Для осуществления идеи участия всего народа в управлении страной надлежало:

«1) В декларации Верховной власти подтвердить, что зада-

чей внутренней политики ставится созыв Всероссийского Учредительного Собрания.

2) Во исполнение сего объявить о выборах 30 членов этого Собрания, положенных от Крыма, и немедленно к этим выборам приступить.

Эти члены Учредительного Собрания должны быть привлечены к участию в работе Правительства, с предоставлением им совещательного голоса.

По мере очищения соседних областей от большевиков должны выбираться члены Учредительного Собрания от них».

Что касается отношения к различным областям Российского государства, заявляющим права на ту или другую степень самостоятельности, то тут, по мнению П. С. Махрова, нужно декларировать «лозунг федеративности и единства России (что совершенно не противоречит одно другому, как то мы и видим в Америке и Швейцарии)». Этот лозунг должен был выражаться в том, «что области, в которых сконструировалась власть, будут входить в наше государственное объединение, борющееся с большевиками, как свободные и равные члены, но под... единой верховной властью Правителя в отношении единства командования армией и флотом, единства иностранных сношений...».

В докладе было предусмотрено осуществление в Крыму нескольких конкретных внутриполитических мер вроде возобновления деятельности органов земского и городского самоуправления с использованием их для решения вопросов снабжения армии и упорядочения экономического и санитарного состояния тыла, а также для фактического хозяйственного контроля; посещения главнокомандующим земского съезда в Симферополе с целью «показать свое сочувствие общественности»; созыв специального крестьянского съезда для обсуждения земельных нужд...

Были названы важнейшие мероприятия по решению рабочего вопроса:

«1) Подтверждение восьмичасового рабочего дня.

2) Пересмотр существующих и издание нового закона об обеспечении и выдаче пенсии потерявшим трудоспособность и за выслугу лет за счет предприятий...

3) Пересмотр законов об охране детского и женского труда.

4) Введение третейских судов и примирительных камер.

5) Открытие богаделен для инвалидов труда и приютов для сирот рабочих, содержание которых должно быть отнесено на счет казны.

6) Содействие и укрепление развития профессиональных организаций и культурно-просветительной работы среди рабочих.

7) Поручение начальнику Управления снабжения разработки вопроса о хотя бы частичной натурализации труда для крупных предприятий, так как иначе требование повышения заработной платы будет расти непрерывно...»

По поводу того, что народ уже устал от правления большевиков, Махров отчасти был прав. Продразверстка и тотальный дефицит эпохи военного коммунизма всех изрядно достали. Однако чаяния масс были скорее анархического свойства. Они хотели, чтобы их по возможности не трогала никакая власть, и не склонны были доверять белым, которые, по их мнению, хотели под флагом неприкосновенности частной собственности вернуть землю помещикам.

Говоря о том, что крестьяне желают иметь дополнительную землю за выкуп, начальник штаба Врангеля либо добросовестно заблуждался, либо просто стремился подстроиться под мнение, которого придерживался сам барон. На самом-то деле крестьяне мечтали получить землю, оформленную гербовой бумагой, но без всякого выкупа. Судьба помещиков их никогда не волновала. В крайнем случае они готовы были согласиться на то, чтобы государство выплачивало помещикам компенсацию за отданную крестьянам землю, но сами платить не собирались.

В целом Врангель стал осуществлять ту программу, которую наметил Махров. Только он предпочел отказаться от термина «Учредительное собрание», поскольку он был дискредитирован в народе после бесславного конца разогнанной большевиками в январе 1918 года «Учредиловки». Поэтому Петр Николаевич предпочитал говорить о будущем Общероссийском собрании. Он также не рискнул проводить выборы в это собрание до завершения Гражданской войны. В условиях провозглашенной самим же Врангелем военной диктатуры подобные выборы стали бы фикцией.

С рабочими же в Крыму Врангель достиг определенного *modus vivendi*: он допустил деятельность профсоюзов, готов был вести с ними переговоры об условиях труда рабочих и санкционировал ускоренное повышение оплаты их труда по сравнению с зарплатой государственных служащих, чтобы она не слишком отставала от инфляции. Кстати сказать, профсоюзным деятелям в случае, если они будут заподозрены в саботаже, угрожала высылка в Советскую Россию. А там большинству из них, симпатизировавших меньшевикам, грозила тюрьма. Таким образом, посредством своего рода социального подкупа, а также шантажа тем, что в случае забастовок их организаторы будут отправлены на фронт, Врангелю удалось обеспечить классовый мир в тылу и снять угрозу рабочих вос-

станий в Крыму, вполне реальных в последние недели пребывания у власти Деникина. Внутренний порядок в тылу нарушали только отряды «зеленых», к которым примыкали и «орловцы»; но рабочих среди них почти не было, а преобладали дезертиры из белой армии. Сыграл свою роль и разгром Климентьевичем большевистского подполья.

Вот как передавал В. В. Шульгину Врангель свои первые чувства после принятия власти:

«Я всегда думал так... Если уж кончать, то, по крайней мере, без позора... Когда я принял командование, дело было очень безнадежно... Но я хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть, по крайней мере, с честью... И спасти, наконец, то, что можно... Словом, прекратить кабак... Вот первая задача...

Ну, эта первая задача более или менее удалась... и тогда вдруг оказалось, что мы можем еще сопротивляться... Оказалось то, на что, в сущности говоря, очень трудно было рассчитывать. Мы их выгнали из Крыма и теперь развиваем операции... Но я должен сейчас же сказать, что я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мне необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... Политику завоевания России надо оставить...

Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя воевать со всем светом... Надо на какого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать; если я разбросаюсь, у меня не хватит... того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Для того чтобы ее удержать, надо брать тут же на месте людей и хлеб... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает — живи, как жилось...

Ну, словом, опытное поле... До известной степени это удастся... Конечно, людей не хватает... я всех зову... я там не смотрю, на полградуса левее, на полградуса правее — это мне безразлично... Можешь делать — делай. И так мне надо выиграть

время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед... — не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться... Меня вот что интересует... как вы думаете... большевики уже достаточно надоели?»

Шульгин заверил главнокомандующего, что в Одессе, откуда он прибыл в Крым, всё русское население и половина еврейского ненавидят большевиков. Насчет деревни Василий Витальевич был осторожнее — сказал, что там большевиков вроде бы тоже ненавидят, но сам он знает об этом лишь с чужих слов, поскольку в деревне не был.

Однако Врангель всё равно обрадовался:

«— Так что вы думаете, что момент наступил. Сейчас нам, конечно, очень помогают поляки... Наше наступление возможно потому, что часть сил обращена на Польшу.

— А они не подведут по своему обыкновению?

— Могут, конечно... Но нельзя же не пользоваться этим благоприятным обстоятельством.

— А если подведут, что тогда?

— Тогда, конечно, будет трудно... я надеюсь удержать Крым...

— И зимовать?..

— Да, зимовать, конечно. Надо обеспечиться хлебом... хлеб будет. Я сделал так: я дал возможность людям наживаться. Я разрешаю им экспорт зерна в Константинополь, что страшно для них выгодно. Но за это всё остальное они должны отдавать мне. И хлеб есть. Я стою за свободную торговлю. Надоели мне эти крики про дороговизну смертельно. Публика требует, чтобы я ввел твердые цены. Вздор. Это попробовано, от твердых цен цены только растут. Я иду другим путем: правительство выступает как крупный конкурент, выбрасывая на рынок много дешевого хлеба. Этим я понижую цены. И хлеб у меня, сравнительно с другими предметами, не дорог. А это главное. Но кричат они о дороговизне нестерпимо. Если бы вы написали что-нибудь об этом...»

А на последний вопрос Шульгина: «Как вы себе представляете будущую Россию? Она будет централизована?» — Врангель ответил: «Отнюдь нет... я себе представляю Россию в виде целого ряда областей, которым будут предоставлены широкие права. Начало этому — волостное земство, которое я ввожу в Крыму. Потом из волостных земств надо строить уездные, а из

уездного земства — областные собрания... Когда области устроятся, тогда вот от этих самых волостных или уездных собраний будут посланы представители в какое-то Общероссийское Собрание, Вот оно и решит...»

Вероятно, Петр Николаевич действительно верил, что удастся удержать Крым и даже с помощью поляков существенно расширить «опытное поле» для общероссийского эксперимента. Он, похоже, в какой-то момент решил, что паны будут помогать ему в течение долгого времени, поскольку заинтересованы в уничтожении большевиков, рвавшихся к Варшаве. На самом-то деле никаких обязательств перед ним у Пилсудского не было, и, как показали дальнейшие события, как раз крупные неудачи красных на Польском фронте и приблизили заключение перемирия. С точки зрения интересов Белого движения в Крыму, наиболее выгодным вариантом развития событий было бы многомесячное сражение за Варшаву без решительного перевеса одной из сторон, чего, однако, никак не могло произойти в действительности, поскольку столь длительного напряжения сил не выдержали бы ни поляки, ни Советская Россия.

Кроме того, надо учитывать, что Врангель беседовал с Шульгиным как раз тогда, когда успехи Русской армии в Северной Таврии достигли своего пика и он мог надеяться, что удастся отстоять Крым и без польской поддержки.

Шульгин, несомненно, искренне ненавидел большевиков и, как это свойственно подавляющему большинству людей, собственную оценку ситуации приписывал народу. Врангель же, кажется, был склонен доверять Шульгину. Ведь у него было мало информации из тех сорока девяти губерний, что не входили в белый Крым: агентурная сеть была довольно слабой, информация от нее поступала нерегулярно и с большим опозданием. Пленные красноармейцы же, спасая собственную жизнь, конечно, говорили на допросах о том, что не любят большевиков и только искали случая, как бы сбежать из Красной армии. И были еще доходившие с советской территорией слухи и редкие перебежчики вроде Шульгина. Но те, кто оказался в Крыму, среди массы слухов предпочитали отбирать те, которые говорили о скорой гибели большевиков, о восстаниях у них в тылу, о том, будто Буденный и другие видные советские военачальники готовы вот-вот перейти к белым. Именно они и публиковались главным образом в крымских газетах. Точно так же беженцы из Советской России в своем большинстве склонны были особо выделять те факты, которые могли говорить о скором крахе большевиков, и не обращать внимания на противоположные свидетельства.

Думается, Врангель не имел адекватного представления ни о внутреннем положении Советской России, ни о реальной боеспособности Красной армии, преувеличивая степень ее разгрома в Северной Таврии, а позднее — на Польском фронте. Отсюда — трагические для него и всего белого Крыма пропускты в завершающий период кампании.

Врангель, несомненно, обладал определенной харизмой. В. В. Шульгин вспоминал, что в Петре Николаевиче «чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду. Вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а, наоборот, окрыляла — они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным».

По наблюдению Н. Н. Чебышева, Врангель «постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели», пребывая в состоянии «духовного возбуждения, с оттенком экстаза».

А по мнению П. Б. Струве, барон сильно выигрывал в сравнении с Деникиным: тот «был улиткой в скорлупе» и «не видел людей и абсолютно ими не интересовался», тогда как Петр Николаевич «жил с людьми и на людях». Сознавая свою неосведомленность в политических вопросах, он охотно брал себе компетентных помощников, вроде того же Струве или Кривошеина, и часто опирался на их мнение. Врангель честно говорил Шатилову и другим друзьям-офицерам: «Беда в том, что ко мне обращаются с разными вопросами по государственному устройству, по веским экономическим и торговым вопросам, что я могу им сказать? Я должен верить тем, кто мне говорит. Я этого не люблю. Дайте мне конный корпус, и я покажу!»

Летом 1920 года Шульгин беседовал с главой крымского правительства Кривошеиным. Тот выражал общее настроение общественности, считая счастливой случайностью то, что белым удалось закрепиться в Крыму:

«— Когда меня призвали, я думал об одном: хотя бы клочок сохранить, хотя бы, чтобы кости мои закопали в русской земле, а не где-то там... Клочок для того, чтобы спасти физическую жизнь, спасти всех тех, кого недорезали... Не скажу, чтобы я очень верил в то, что это удастся... Я бы и совсем не верил, если бы я не верил в чудеса... Но чудо случилось... мы не только удержались, мы что-то делаем, куда-то наступаем... то, что совершенно разложившейся армии вдруг на самом краешке моря удалось найти в себе силы для возрождения, — это чудо... И что бы ни случилось, я всегда буду считать это чудом...

Он стал нервничать. Я сказал:

— Это правда... ведь в России бывает... но что же дальше?

— Дальше... Прежде всего вот что: одна губерния не может воевать с сорока девятыю. Поэтому, прежде всего, не зарываться. Надо всегда иметь перед глазами судьбу наших предшественников. Деникин помимо всяких других причин, прежде всего, не справился с территорией. Мы наступаем сейчас, но помним — *memento* Деникин.

— Если так, то где же предел наступления?

— Необходимо держать хлебные районы, то есть северные уезды Таврии.

— Мне кажется, что удержать эту линию не удастся... Ведь настоящего фронта нет. Это не то, что война с немцами. Поэтому нас непременно или увлекут на север или сомнут к югу до естественной границы...

— Да, конечно... Но хлеб нам нужен... Рассматривайте это как вылазку за хлебом... Ведь если большевики называют генерала Врангеля “крымские ханом”, то следует принять тактику крымского хана, который сидел Крыму и делал набеги...

— Но зимовать в Крыму?

— Конечно... К этому надо быть готовым... Надо ждать...

— Ждать чего?..»

Прогноз Кривошеина был довольно мрачным:

«— Одно из двух... Или большевики после всевозможных эволюций перейдут на обычный государственный строй — тогда, досидевшись в Крыму до тех пор, пока они, если можно так выражаться, не опохмелятся, — можно будет с ними разговаривать. Это один конец... Весьма маловероятный... Другой конец — это так, несомненно, и будет — они вследствие внутренних причин ослабеют настолько, что можно будет вырвать у них из рук этот несчастный русский народ, который в их руках должен погибнуть от голода... Вот на этот случай мы должны быть, так сказать, наготове, чтобы броситься на помощь... Но для того, чтобы это сделать, прежде всего, что надо? Надо “врачу исцелился сам”. Это что значит? Это значит, что на этом клочке земли, в этом Крыму, надо устроить человеческое житье. Так, чтобы ясно было, что там вот, за чертой, красный кабак, а здесь, по сию сторону — рай не рай, но так, чтобы люди могли жить. С этой точки зрения вопрос “о политике” приобретает огромное значение. Мы, так сказать, опытное поле, показательная станция. Надо, чтобы слава шла туда, в эти остальные губернии, что вот там, в Крыму, у генерала Врангеля, людям живется хорошо. С этой точки зрения важны и земельная реформа, и волостное земство, а главное, приличный административный аппарат.

— Насколько это вам удается?..

— Ах, удается весьма относительно... Дело в том, что ужасно трудно работать... просто нестерпимо... Ничего нет... Можете себе представить бедность материальную и духовную, в которой мы живем. Вот у меня на жилете эта пуговица приводит меня в бешенство — я вторую неделю не могу ее пришить. Мне самому некогда, а больше некому... Это я, глава правительства — в таких условиях. Что же остальные? Вы не смотрите, что со стороны более или менее прилично и всё как по старому. На самом деле под этим кроется нищета, и во всём так... Тришкин кафтан никак нельзя заплатить. Это одна сторона. А духовная — такая же, такая же бедность в людях!..»

Реализм Кривошеина, лучше других представлявшего себе истинное положение вещей и всю непрочность как военных успехов, так и достижений в политической сфере, Шульгину не понравился: «Он опять стал очень нервничать. Да, положительно надломилось что-то в этом человеке. Выдержит ли? Кажется, не выдержит...»

Кривошеин обосновывал необходимость вырваться за пределы Крыма: «Трагедия наша в том, что у нас невыносимые соотношения бюджетов военного и гражданского. Если бы мы не вели войны и были просто маленьким государством, под названием Таврия, то у нас концы сходились бы. Нормальные расходы у нас очень небольшие были бы. Нас истощает война. Армия, которую мы содержим, совершенно непосильна для этого клочка земли. И вот причина, почему нам надо периодически, хотя бы набегами, вырываться...»

«Ах, лишь бы только не зарваться...» — опасался Шульгин.

Кривошеин заверил его, что в Крыму помнят печальный урок Деникина. Но, кажется, он сам в глубине души сомневался, что удастся расширить крымское «опытное поле» до необходимых пределов, а тем более долго удерживать его. Слишком уж неблагоприятно складывались обстоятельства. Ресурсов в Крыму почти не было. Крымские деньги ничего не стоили. Поэтому войска на фронте жили исключительно реквизициями и подножным кормом (тем, что захватывали на огородах и бахчах), а тыл — главным образом натуральным обменом. В прочность врангелевских реформ не верили, поскольку не верили в победу белых. Да и сами эти реформы, как мы увидим дальше, не были столь уж привлекательными для российского крестьянства.

По свидетельству либерального земского деятеля В. А. Оболенского, Врангель «подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей и без определенной программы, с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, средства готов был выбирать любые».

Верховный правитель Юга России генерал-лейтенант П. Н. Врантель.
Севастополь. 1920 г.

Белогвардейские плакаты
1919 г.

РЕФСР БОЛШЕВИКИ СТРОЯт БЫЛЬЮДО
ВРАНГЕЛЬ ИДЕТ!!

КОРУЖИЮ, ПРОЛЕТАРИИ !!

Большевистские
плакаты

«Врангель идет!!
К оружью,
пролетарии!»
Н. Кочергин. 1920 г.

«Врангель еще жив.
Добей его без
пощады!»
Д. Мор. 1920 г.

ВРАНГЕЛЬ ЕЩЕ ЖИВ

ДОБЕЙ ЕГО БЕЗ ПОЩАДЫ

П. Н. Врангель в последние дни перед эвакуацией на Графской пристани
из Севастополя. Ноябрь 1920 г.

Эвакуация белой армии из Крыма. Ноябрь 1920 г.

Брошенное орудие. Ноябрь 1920 г.

П. Н. Врангель на борту иностранного корабля. 1920 г.

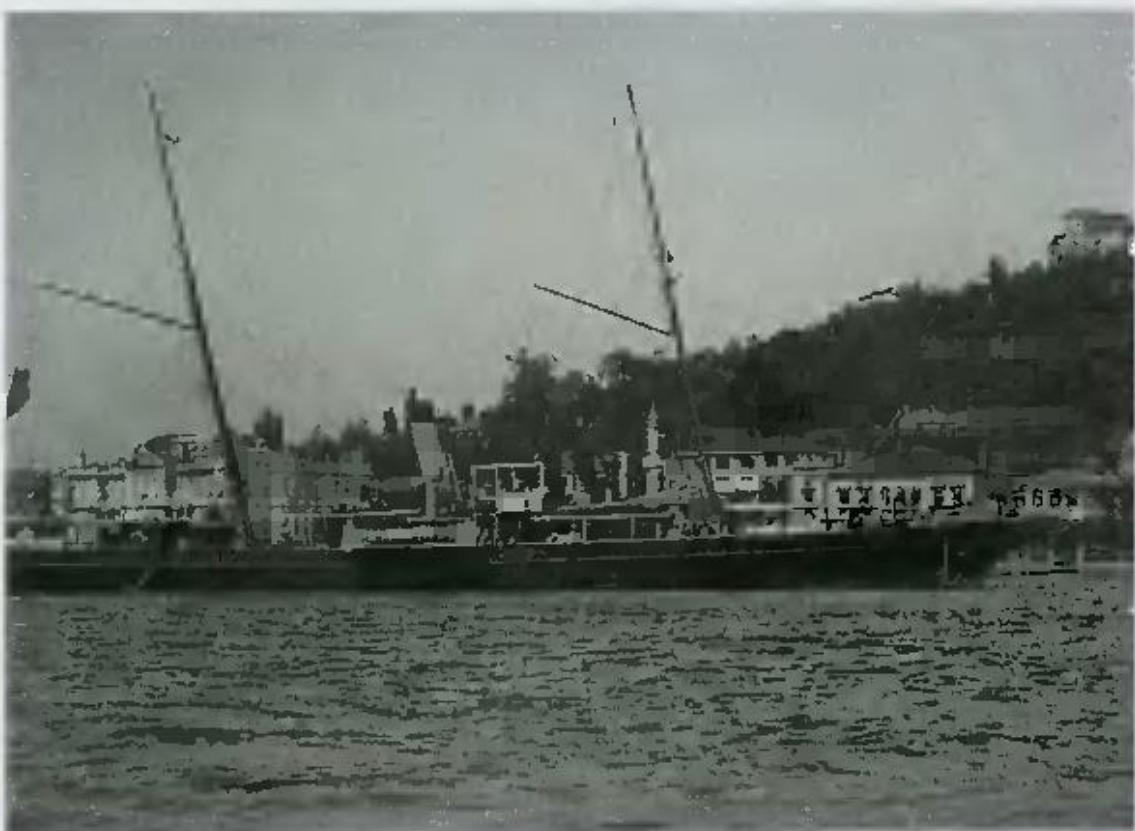

Генерал Врангель на палубе яхты «Лукулл». 1920 г.

Яхта «Лукулл»
в константинопольской бухте
Золотой Рог. 1920 г.

Нагрудный знак
«Галлиполийский крест» ►

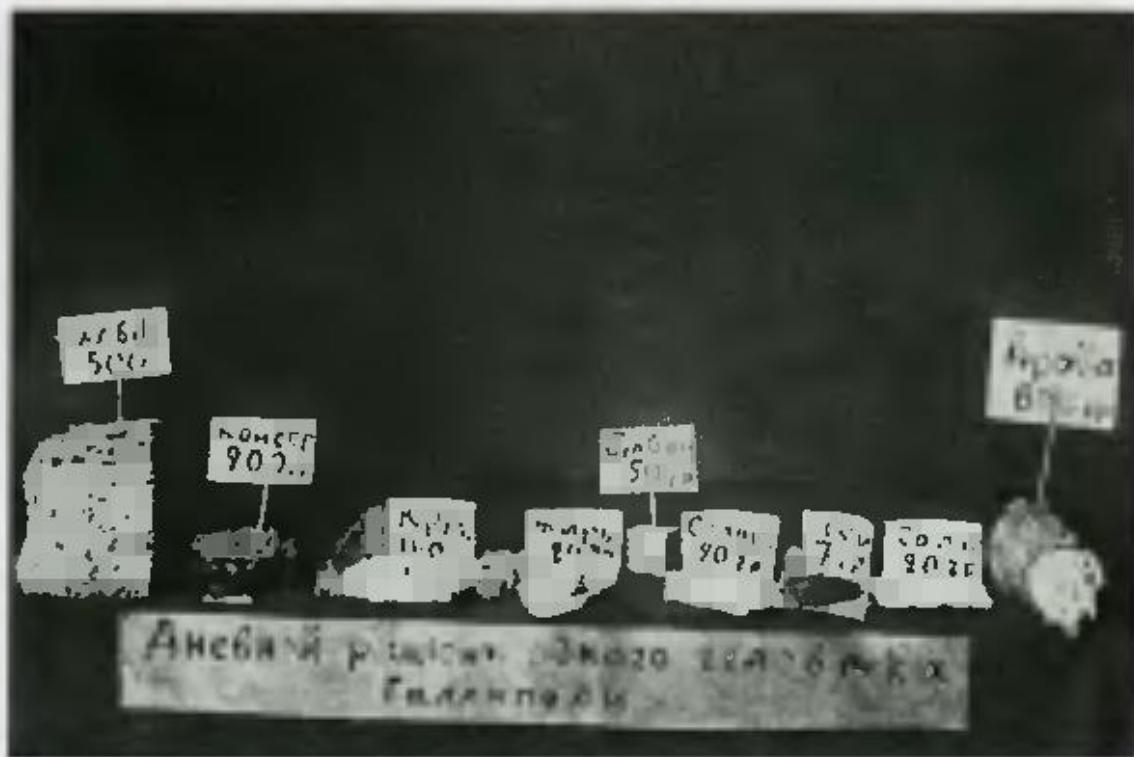

Лагерь Корниловского полка в Галлиполи.
1921 г.

Занятия в офицерской артиллерийской
школе в Галлиполи. 1921 г.

Паек галлиполийца в марте 1921 года

Детский сад и гимназия имени барона Врангеля. Галлиполи, 1921 г.

П. Н. Врангель
на открытии
Русского совета.
Константинополь.
5 апреля 1921 г.

Врангель
у портрета
великого князя
Николая
Николаевича.
Париж, 1928 г.

С женой Ольгой.
Константинополь.
октябрь 1921 г

С сыном Петром. Декабрь 1922 г.

П. Н. и О. М. Врангель

О. М. Врангель с детьми Натальей, Петром, Еленой и Алексеем. 1922 г.

П. Н. Врангель на освящении церкви Святой Троицы в Белграде
(в ней он впоследствии был похоронен). 22 декабря 1924 г.

Секретарь П. Н. Врангеля
Н. М. Котляревский

Дом в Брюсселе, в котором
скончался П. Н. Врангель

В Париже. Октябрь 1927 г.

Похороны барона Врангеля 1928 г.

Кубанские казаки отдают последний долг Брюссель, 1928 г.

Место первого захоронения П. Н. Врангеля в Брюсселе

Надгробие могилы барона Врангеля
в церкви Святой Троицы в Белграде

П. Н. Врангель. Сремские Карловцы. 1924 г.

Не имевший опыта в политике, барон, по мнению Н. Н. Чебышева, не был лишен политических способностей: «Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шахматиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела, так, как он это благо понимал». Врангель обладал ораторским талантом, во всяком случае, речи произносил лучше других белых вождей из числа генералов и адмиралов. И приказы он писал бодрые и бойкие. И еще Петр Николаевич умел находить общий язык с состоятельными горожанами и офицерами, но говорить с казаками и крестьянами получалось у него значительно хуже. Так, бывший военный прокурор Донской армии полковник И. М. Калинин свидетельствует:

«Случалось, что он сам (Врангель. — Б. С.) позволял себе такую роскошь, как публичные выступления на крестьянских сходах. Человек с темпераментом, он говорил веско, убедительно, позволяя себе даже демагогические выпады.

Ничего не выходило!

Вместо единодушного порыва на Москву, вместо идейного воодушевления — тоскливые лица и сдавленный ропот...

Экспансивный вождь, обдав презрительным взглядом тупую чернь, с досадой уходил с трибуны».

Личность Кривошеина вызывала у современников противоречивые чувства. Слащев откровенно не любил Александра Васильевича, видя в нем только ловкого дельца. Действительно, Кривошин активно участвовал в акционерных предприятиях и экспортно-импортных сделках, что было не очень морально в условиях полуголодного Крыма, а в любой западной стране каралось бы по закону, так как глава правительства, безусловно, обладал инсайдерской информацией. Но Врангель слишком ценил его деловые качества и смотрел сквозь пальцы на его бизнес-проекты.

Кривошин, как и Врангель, был pragmatikom. В октябре 1920 года он, в частности, заявил французскому журналисту, что «лучше, чтобы монархия пришла на пять лет позже, чем на пять часов раньше времени».

Врангель был в восторге от Кривошина. В мемуарах он характеризовал его только в превосходных степенях:

«Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления. Служил и в земском отделе Министерства внутренних дел, где близко ознакомился с крестьянским вопросом, в государственном земельном банке, состоял начальником переселенчес-

кого управления, товарищем министра финансов; в бытность последним широко развил деятельность Крестьянского банка и направил ее к повсеместному созданию мелкой крестьянской собственности. В течение десяти лет был министром земледелия, ближайшим сотрудником П. А. Столыпина, проводя в жизнь земельную реформу последнего. Достижением высоких служебных положений он обязан был одному себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственныех кругах, он в равной мере пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных.

Выдающийся администратор, он всегда удачно выбирал своих сотрудников, целый ряд которых впоследствии, пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы.

Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона.

Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной мой тяжкий крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что, горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины».

Уже 9 апреля секретарь Врангеля Н. М. Котляревский направился в Париж к Кривошеину с просьбой войти в совет при главнокомандующем и заняться подготовкой земельной реформы, а в будущем — возглавить правительство. Кривошин согласился помочь в деле гражданского управления и выехал из Парижа в Крым.

Шестого августа генерал Врангель принял новое звание: «Правитель Юга России и главнокомандующий Русской амией». Совет при главнокомандующем был переименован в правительство Юга России и возглавил его Кривошин.

Глава таврического губернского земства князь В. А. Оболенский оценивал фигуру главы врангелевского правительства не столь восторженно, как сам главнокомандующий. В мемуарах Владимир Андреевич отметил, что составил о Кривошине-

не «впечатление как о человеке, искренне и горячо любящем Россию. Кроме того, это был человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... он все-таки был плоть от плоти бюрократического режима... Долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей». По словам Оболенского, «и Врангель, и Кривошеин обладали запасом здорового оппортунизма, столь необходимого им в их положении, обладали и большим жизненным чутьем, но по основным чертам психологии первый все-таки оставался ротмистром Конного Его Величества полка, а второй — тайным советником и министром большой самодержавной России».

Разумеется, по своему происхождению, воспитанию и жизненному опыту барон Врангель, блестящий гвардейский офицер и генерал-майор царской службы, был очень далек как от политики, так и от знания народных нужд. Однако подмеченный Оболенским «оппортунизм» Врангеля и свойственное ему политическое чутье помогли выработать определенный, по-своему цельный курс.

Если бы Врангель с самого начала возглавил Белое движение на юге России, результаты, быть может, оказались бы более успешными. Тот самый свойственный ему «оппортунизм», вероятно, помог бы с течением времени выработать более или менее реалистичную политическую программу, позволившую расширить социальную базу Белого движения. Тут, конечно, неизбежен был бы достаточно долгий путь проб и ошибок; но если бы соответствующая программа была выработана к середине 1919 года, когда Вооруженные силы Юга России контролировали достаточно большую территорию с несколькими десятками миллионов населения, у белых появился бы шанс на победу.

Однако на самом деле у Врангеля не было никакой возможности возглавить Добровольческую армию в конце 1917 года. Тогда непререкаемым лидером Белого движения был генерал Корнилов. Вот если бы Врангель принял более активное участие в корниловском выступлении против Керенского, то, возможно, его вместе с Лавром Георгиевичем посадили бы в Быховскую тюрьму. Дальше, вероятно, были бы участие в Ледовом походе и более быстрая карьера в Вооруженных силах Юга России. Но тогда бы и его конфликт с Деникиным мог разиться быстрее, и не исключено, что Петр Николаевич оказался бы не у дел значительно раньше, чем потерпел крах белый поход на Москву. В любом случае, шансов заменить Де-

никина до того, как Вооруженные силы Юга России оказались разбиты, у Врангеля не было.

На встрече с представителями печати 9 апреля Врангель изложил свою программу действий. Он заявил, что стремится к тому, чтобы «разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности».

Главнокомандующий объявил своей целью «создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире».

Реформы, которые начали осуществлять Врангель и Кривошеин, смотрелись гораздо радикальнее, чем те, на которые в свое время решился Столыпин. Однако, с точки зрения вызванных революцией перемен, врангелевско-кривошеевские реформы выглядели запоздалыми и половинчатыми.

Например, введенное 15 июля Временное положение о волостных земских учреждениях, тесно связанное с земельной реформой, фактически исключало из состава избирателей наиболее активную часть сельского населения (деревенскую интеллигенцию, молодежь), так как избирательным правом наделялись только собственники либо длительные арендаторы земли и домовладельцы.

К тому же на председателей волостных земских управ возлагались также административные обязанности волостных старшин, а в этом качестве они подчинялись уездному начальнику. Кроме того, уездный начальник имел право приостановить постановление волостного земского собрания, если оно, например, «не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности». Дабы использовать положительное отношение крестьян к слову «советы», Врангель настоял, чтобы так назывались и учреждения крестьянского самоуправления. Всего до конца врангелевского правления удалось образовать советы в 90 волостях из 140, находившихся под контролем Русской армии.

Шестнадцатого мая совет при главнокомандующем постановил: «...при продвижении Вооруженных Сил на Юге России и освобождении селений, волостей и уездов от большевиков установить, по мере введения в сих местностях Гражданского Управления, Сельское общественное Управление, и Волостное и Уездное Земское Управление». 20 сентября приказом Врангеля было обнародовано Временное положение об уездном земстве, согласно которому уездные земства должны были выбираться представителями волостных земств. Однако на практике эти постановления остались на бумаге и эффективно действующего земства в Северной Таврии создать не удалось.

В приказе о введении волостного земства Врангель подчеркивал: «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения». Теоретически, доминировать в земстве должны были «крепкие хозяева». Но это, несомненно, вызвало бы оппозицию как сельской интеллигенции, так и деревенской бедноты.

В отношении городского самоуправления Врангель вообще не успел предпринять ничего серьезного. Только 16 октября в газетах было опубликовано сообщение о том, что 26-го в Симферополе созывается съезд городов Крыма для рассмотрения финансового положения и текущих вопросов городской жизни, а также для избрания «исполнительного органа союза городов Крыма». По словам В. А. Оболенского, этот съезд призван был оказать «моральную поддержку» правительству Врангеля и обратиться к иностранным государствам с заявлением о том, что Врангеля поддерживает демократическое самоуправление Крыма. Но из-за осложнения положения на фронте съезд так и не состоялся.

Врангель многократно повторял: «Мы в осажденной крепости», «Лишь единая твердая власть может спасти положение», «Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе». Но при этом он обещал привлечь к управлению общественные силы: «Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда».

Барон считал, что причина неудачи генерала Деникина кроется в том, что «стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась»: «Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику, “русскую” вне всяких партий, проводилась политика “добровольческая”, какая-то частная политика, руководители которой видели во всём том, что не носило на себе печать “добровольцев” — врагов России. Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками... В итоге, проголосив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевицкие русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований».

По мнению Врангеля, «не триумфальным маршем из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке Русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

Чтобы убедить либеральную общественность в осуществи-

ности предлагаемых мер, Врангель мобилизовал всё свое красноречие: «Я вижу к воссозданию России совершенно новый путь. Пусть среди разлагающегося больного тела свободно оживают отдельные клеточки, и долг искусного врача должен быть в объединении их, не разрушая каждой в отдельности. Чем больше будет здоровых клеток, тем процесс разложения будет скорее пресечен. В конечном итоге все омертвевые части организма распадутся и новая молодая ткань заменит потерявшее жизнеспособность больное тело...» Наладить совершенно расстроенный промышленный аппарат, обеспечить население продовольствием, используя самым широким образом естественные богатства края...» Петр Николаевич, правда, знал, что естественные богатства Крыма слишком малы, чтобы обеспечить армию и население. Он говорил о свободе торговли, но настаивал на сохранении карточной системы. Высказался Врангель и о земельной реформе: «Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России. Посредником по передаче земли в руки малого собственника должно явиться государство». О том, что землю крестьянам придется выкупать, он прямо не сказал.

Врангель считал, что Россия будет укрепляться земством: «...Из волостных земств надо строить Уездные, а из Уездного земства — Областные Собрания». А когда земства устроются, от них можно будет избрать делегатов в некое общероссийское собрание, которое и определит форму правления в России. Выборами в земства и городские думы можно было очень легко манипулировать, в частности, посредством введения имущественного и образовательного ценза для пассивного избирательного права (права быть избранным), а также введением нормы выдвижения кандидатов от определенного числа граждан. Кроме того, земство и городское самоуправление подчинялись местным начальникам, назначаемым врангелевским правительством.

Нетрудно заметить, что в будущей политической системе России барон не видел места для партий. В условиях отсутствия политических партий большинство делегатов в новом Учредительном собрании неизбежно было бы назначено властью. А уж такое управляемое собрание могло проголосовать хоть за монархию, хоть за неприкрытую авторитарную диктатуру. Фактически та система, которая могла бы сложиться в России в случае победы Врангеля, была бы очень близка к «корпоративному государству», созданному в фашистской Италии.

«Ввиду необъятности территорий, занимаемых бывшей Россией, — говорил Врангель Г. Н. Раковскому, — ввиду этнографических и бытовых особенностей населения этих тер-

риторий я считал нецелесообразной централизацию управления». Но это был не более чем пропагандистский лозунг, поскольку в условиях военной диктатуры он всё равно никак не мог произвести децентрализацию управления, даже если бы действительно этого хотел.

Как сказано в вышеупомянутом сообщении американскому адмиралу Мак-Колли, в Крыму хотели создать и сохранить «здоровое ядро» государственности, «дабы оно могло служить центром притяжения, вокруг которого бы свободно собирались и развивались все усилия русского народа, направленные к национальному возрождению».

Генерал Б. А. Штейфон, оказавшийся в Крыму в разгар успешного наступления в Северной Таврии, отметил, что меры нового главнокомандующего по наведению порядка начали давать первые плоды: «...генерал Врангель влил много свежего и нового в жизнь войск. Войсковой тыл в Севастополе не носит теперь былого вида тылов Добровольческой армии. В течение трех недель своего пребывания в Севастополе я не видел ни одного пьяного, ни одного безобразия. Жизнь начинается рано, и к полуночи всё затихает...» Крымский государственный контролер Н. В. Савич вспоминал: «В Крыму не было ни погромов, ни грабежей со стороны воинских частей, которые получали регулярно свое довольствие и не были вынуждены прибегать к самоснабжению, что было одной из наиболее вопиющих язв 1919 года. Совершенно невозможно было существование таких начальников, как Шкуро или Покровский, о грабежах коих слагались легенды». Однако к этому стоит добавить, что насилия и реквизиции в Северной Таврии случались достаточно часто.

Врангеля поддерживали редакторы крымской газеты «Великая Россия» Н. Н. Львов, В. М. Левитский и Н. Н. Чебышев. В статье «За что мы боремся», напечатанной 8 мая, Львов утверждал:

«В наших рядах есть люди разных политических воззрений, есть преданные идеи монархии, но есть и такие, которые увлечены демократическими течениями. Только злая клевета может бросить нам обвинение в реакционных стремлениях. Нет, это не реставрация. Такое героическое напряжение воли не может быть направлено только для восстановления петербургского бюрократического порядка управления.

Никто не стал бы жертвовать столь многим, что бы только увидеть во всем прежнем виде старый режим...

Никто не станет умирать за реставрацию, но точно также никто не станет жертвовать жизнью за торжество эсеровской программы и Учредительного собрания с Черновым во главе.

Дело идет о чем-то гораздо большем. Люди не хотят быть рабами и не хотят видеть свою родину под властью самой позорной тирании, которую только можно себе представить».

В другой статье, «Как мы понимаем революцию», Львов настаивал: «Мы были и остаемся убежденными монархистами, но мы никогда не позволим себе навязывать наших убеждений другим, но равным образом мы всеми силами будем бороться против вырыванья для себя из рук власти разных вольностей и свобод, навязывания нам демократической республики и каких-либо партийных программ. Россия выйдет из борьбы таковой, какой создаст ее воля людей, отдавших себя всецело делу борьбы».

Эти взгляды практически не отличались от взглядов Врангеля. Его монархизм (который, однако, нельзя было провозглашать открыто по тактическим соображениям, прежде всего из-за необходимости сотрудничать с Англией и Францией, а позднее — и с Польшей, и с любыми антибольшевистскими силами в России) разделяли офицеры флота, а также кадровые офицеры царской армии. Монархисты также составляли основную массу тех, кто был произведен в офицеры в годы Первой мировой войны. Республиканцами были большинство офицеров Добровольческого корпуса, за исключением дроздовцев, среди которых преобладали монархисты. Республиканские идеи были популярны также среди казачьих офицеров, считавших, что при таком политическом устройстве легче будет обеспечить автономию казачьих областей. Таким образом, даже среди командного состава Русской армии не было единства по вопросам формы правления в России. Поэтому выдвижение монархических лозунгов могло расколоть армию.

Первого июня Врангель был извещен, что в Севастополе раскрыт «монархический заговор» офицеров флота и произведены аресты. Заговорщики пытались уговорить лейб-казаков из охраны Врангеля арестовать его и Шатилова. Власть планировалось передать великому князю Николаю Николаевичу, а до его приезда в Крым — его пасынку, герцогу Сергею Лейхтенбергскому, состоявшему ординарцем при Слащеве. Контрразведка сочла, что весь заговор был результатом провокации большевистского агента Пинхуса, стремившегося дискредитировать белых в Крыму. Пинхуса расстреляли, а заговорщиков отправили на фронт.

После того как контрразведывательные органы были взяты под контроль генералом Климовичем, по признанию даже чуткого к любому пренебрежению к правам человека В. А. Оболенского, «разбои и насилия контрразведки почти прекратились, а уличенные в злоупотреблениях ее чины наказывались».

Главный удар врангелевских спецслужб был направлен против большевистского подполья. 19 мая начальник Особого отделения Морского управления подал начальству рапорт о разгроме Центрального комитета большевиков в Севастополе. Эта группа держала связь с «зелеными» под командованием капитана П. В. Макарова, бывшего адъютанта Май-Маевского. Всего было задержано 18 человек, в том числе бывший шофер Деникина и шофер Врангеля Колесников. Шестеро из них были казнены, четверо оправданы, трое приговорены к тюремному заключению, пятеро — к каторжным работам. Советским агентом, как выяснилось позднее, был высокопоставленный сотрудник «политической части» штаба Врангеля полковник Симинский.

Аресты прошли в Керчи, Симферополе и других городах. Коммунистическое подполье было подавлено. Возобновить его с помощью агентов, засланных из Советской России, не удалось.

А вот с отрядами «зеленых» вплоть до эвакуации Крыма врангелевские власти справиться не смогли, но большого беспокойства они все-таки не доставляли. Численность «зеленых», среди которых преобладали дезертиры и «уклонисты» от мобилизации, не превышала тысячи человек.

Пятого августа из Советской России в Крым приплыл на катере матрос Мокроусов с двадцатью партизанами, 500 миллионами царских рублей, 200 тысячами турецких лир и пулеметом. Он соединился с отрядом Макарова и атаковал и частично уничтожил Бешуйские угольные копи, а позднее совершил набег на Судак. Врангель считал, что к концу лета у Мокроусова в отряде было около 300 человек.

Главнокомандующему легко удалось справиться с фрондой донских казаков. В газете «Донской вестник», издававшейся при штабе Донского корпуса начальником его политотдела графом дю Шайля, критиковался Добровольческий корпус, будто бы бросивший донцов на произвол судьбы в Новороссийске, и исподволь проводилась идея независимого Донского государства.

Шестого апреля Врангель издал по этому поводу приказ:

«Бьет двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости Крыму.

Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями.

Пример этому — штаб Донского корпуса.

Передо мной издание штаба — «Донской вестник».

Газета восстанавливает казаков против прочих неказачьих

частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России.

По соглашению с Донским Атаманом приказываю Ген~~ералу~~ Сидорину сдать должность Ген. Абрамову. Отрешаю от должности Начальника Штаба корпуса Ген. Кельчевского и Ген~~ерал-~~ Кварт~~ирмейстера~~ Ген. Кислова. Начальника полит. отдела и редактора газеты Сотн~~ика~~ гр~~афа~~ дю Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть.

Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, что в единении — наш долг перед Родиной».

Дю Шайля, отданный под суд за публикацию «статьй, направленных к созданию розни между казачьими и неказачьими элементами русской армии» и пропаганду донского сепаратизма, при аресте пытался застрелиться. В апреле Севастопольский военно-морской суд под председательством А. М. Драгомирова приговорил командующего Донским корпусом В. И. Сидорина и его начальника штаба А. К. Келчевского к четырем годам каторжных работ, но Врангель ограничился исключением обоих со службы с лишением права ношения мундира и высылкой опальных генералов в Константинополь. Дело дю Шайля, который, тяжело раненный, находился в лазарете, рассматривалось в августе. Поскольку главная цель — устранение Сидорина и Келчевского — была достигнута, дю Шайля оправдали как действовавшего по приказу своих непосредственных начальников.

В Севастополе 22 июля врангелевским правительством было подписано соглашение с атаманами и правительствами казачьих областей Дона, Кубани, Терека и Астрахани: казчество получало полную внутреннюю автономию, но при этом все казачьи части подчинялись Врангелю как главнокомандующему. В ведении центральной власти также оставались телеграф и железные дороги, проходящие по казачьим землям, финансы и таможня.

Врангель придавал важное значение православной церкви как институту, призванному привить народу нравственное начало.

Сначала было реорганизовано военное духовенство. Отцу Георгию Шавельскому, бывшему протопресвитеру армии и флота, «разбитому душой, глубоко морально потрясенном», Врангель поручил «ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей». Управляющим военным духовен-

ством 31 марта был назначен епископ Севастопольский Вениамин.

Епископ Вениамин (Федченков) был самым близким к Врангелю церковным деятелем, которому Петр Николаевич полностью доверял. Впоследствии он «сменил вехи», вернулся в СССР и стал митрополитом. Одна из глав его изданных в СССР мемуаров «На рубеже двух эпох» называется «Генерал Врангель».

«Я озаглавливаю эту главу именем одного человека потому, — объяснял архиерей, — что он был действительно центральною личностью, воодушевлявшей Белое движение под его управлением. Был до него генерал Деникин, но то время, гораздо более продолжительное, не было окрашено его именем. Говорили: “деникинцы”, “белые”, “kadеты”, но редко: “генерал Деникин”. А здесь про все движение обычно говорилось кратко: “генерал Врангель” или еще проще: “Врангель”...»

По прошествии многих лет престарелый архиерей вспоминал те настроения, которые владели защитниками Крыма:

«Казалось бессмыслицей продолжать проигранную борьбу, а ее решили опять возобновить. И мало того, еще надеялись на победу. Мечтали, и среди таких наивных был и я, о Кремле, о златоглавой Москве, о пасхальном трезвоне колоколов Первопрестольной. Смешно сейчас и детски наивно. Но так было. На что же надеялись?

Оглядываясь теперь, двадцать три года спустя, назад, я должен сказать — непонятно! Это было не только неразумно, а почти безумно. Но люди тогда не рассуждали, а жили порывами сердца. Сердце же требовало борьбы за Русь, буквально “до последней пяди земли”. И еще надеялись на какое-то чудо: а вдруг да всё повернется в нашу сторону?! Иные же жили в блаженном неведении — у нас еще нет большевиков, а где-то там они далеко. Ну, поживем — увидим. Небось?.. Были и благоразумные. Но история их еще не слушала: не изжит был до конца пафос борьбы. Да и уж очень не хотелось уходить с родной земли. И куда уходить? Сзади — Черное море, за ним — чужая Турция, чужая незнакомая Европа. Итак, попробуем еще раз! А может быть, что и выйдет? Ведь начиналось же “белое движение” с 50 человек, без всякой земли, без денег, без оружия, а расположилось потом почти на всю русскую землю. Да уж очень не хотелось уступать Родину “космополитам-интернационалистам”, “евреям” (так было принято думать и говорить про всех комиссаров), социалистам, безбожникам, богоборцам, цареубийцам, чекистам, черни. Ну, пусть и погибнем, а всё же — за родную землю, за “единую, великую, неделимую Россию”. За нее и смерть красна! Вспомни-

лось и крылатое слово героя Лавра Корнилова, когда ему задали вопрос:

— А если не удастся?

— Если нужно, — ответил он, — мы покажем, как должна умереть Русская армия!

Исторические события, как большого, так и малого разме-ра, двигаются, по моему мнению, не столько умом, сколько сердцем, стихийно. А когда этот дух испарится, движения умирают. Так бывает в жизни каждого человека, так же совер-шается и в жизни народа. А разве малая пташечка не бросает-ся безумно на сильную кошку, защищая своих птенчиков? У нас еще есть клочок земли, есть осколки армии, и мы должны бороться! Мы хотим бороться! Мы будем бороться! И притом ясно, что наше дело хорошее, правое, святое, белое дело! Как не бороться за него до последней капли крови?!

И снова вспоминается мне та кучечка безусых юнцов-аристократов у костра возле Перекопского вала, которые с грустью и явным уже маловерием спрашивали меня во тьме ночной:

— Батюшка, неужели мы не победим? Ведь мы же за Бога и за Родину!

— Победим, победим, милые! — утешаю их я, и сам не вполне уже веря в нашу победу...»

Об отношении самого Врангеля к православию и церкви Вениамин писал:

«По постановлению нашего Синода на 12—14 сентября (старого стиля) было назначено всеобщее покаяние в грехах... Я получил от какого-то ревнителя благочестия жалобное письмо: “Владыка, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах? Неужели лишь рабочим нужно каяться, а не им?”

И дальше в таком роде.

Я потом передал содержание письма Врангелю, да еще, ка-жется, и при жене. Он ответил нам:

— Владыка! Мы тоже верующие. Но у нас иное было вос-питание в семьях и школах, мы не афишировали нашей рели-гиозности, даже стеснялись показывать ее. Нас тоже можно понять, да и дел масса.

Тут есть правда. Сам генерал — я это знаю — исповедовал-ся и причащался. Не могу забыть и тех трех крестов его, какими он молился перед принятием главного командования».

Врангель, несомненно, искренне верил в Бога. «Я сам че-ловек верующий, — признавался он Г. Н. Раковскому, — и придаю огромное значение правильно поставленному рели-гиозному воспитанию». Он считал, что православие должно

стать одним из средств поддержания морального духа армии и народа, в котором он видел основу возрождения России.

Четвертого июня совет при главнокомандующем постановил:

«1. Признать, что учреждение в настоящее время самостоятельного Управления Исповеданий не представляется необходимым.

2. Возложить Управление делами Православного Вероисповедания на Высшее Церковное Управление на основаниях, установленных Всероссийским Священным Собором.

3. Передать дела Инославных Исповеданий в ведение Гражданского Управления, по Отделу Внутренних Дел.

4. Предоставить Председателю Высшего Церковного Управления участвовать в заседаниях Совета при Главнокомандующем, с правом совещательного голоса, по делам, касающимся Православной церкви, а также по делам, непосредственно связанным с важнейшими жизненными интересами Государства и русского народа».

В дальнейшем по просьбе главы Церковного управления архиепископа Таврического Дмитрия Врангель удалил из постановления оговорку «с совещательным голосом».

Еще в конце марта епископ Вениамин обратил внимание Врангеля «на угрожающий упадок нравственности в армии», поскольку «междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу». В связи с этим главнокомандующий 10 апреля включил Управление военным и морским духовенством на время военных действий в состав своего штаба и учредил десять должностей «проповедников армии». Управлению был предоставлен «вагон-церковь» для совершения богослужений в местах, где не было храмов.

Врангель писал в мемуарах: «В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и проведение целого ряда мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе и духовно-религиозного воспитания».

Еще одна проблема, вставшая перед правителем юга России и требовавшая безотлагательного решения, — чиновничья волокита. 13 мая Врангель отдал приказ:

«...В гражданских учреждениях... сильно развит бюрократизм, работа идет по шаблону, лишь в известные часы, творчества вкладывается мало, нужды населения встречают мало отзывчивости.

Призываю это прекратить и помнить, что мы живем в эпоху, когда лихорадочная работа должна вестись всеми, и что,

если меня будят в ТРИ часа ночи, то в ПЯТЬ часов той же ночи мой Начальник Штаба уже выполнил всё, что касается поднятого вопроса.

Вообще должен подчеркнуть, что военные учреждения в отношении работы далеко оставили позади гражданские органы, почему требую от последних наибольших усилий в своей деятельности.

Высшим Начальникам гражданских учреждений беспощадно удалять лиц, которые не могут возвыситься над простым пониманием старых бюрократических приемов и перейти к живой работе».

Петр Николаевич мыслил, что в идеале гражданские учреждения должны работать так же, как военные, где всё определяется приказами вышестоящих начальников, за неисполнение которых карают вплоть до расстрела. Но, разумеется, добиться подобной слаженности в деятельности гражданских учреждений, где процветала коррупция, главнокомандующему не удалось. У него не хватало кадров честных и квалифицированных работников для укомплектования правительственные учреждений. И расстреливать чиновников барон всё же не решался, понимая, что заменить их всё равно некем, а расстрелы гражданских служащих за плохую работу вызвали бы негативную реакцию в тылу.

Как Деникин, так и Врангель считали неуместным награждать за подвиги в войне, ведущейся против своего народа, русскими императорскими орденами. Поэтому вместо ордена производили в следующий чин, что привело к появлению многих молодых полковников и генералов, далеко не все из которых соответствовали по своему опыту и способностям высоким командным должностям. Поэтому 30 апреля Врангель учредил новый орден — Святого Николая. Он имел две степени, и «каждый воинский чин Белой армии, вне зависимости от своего ранга или должности, мог, за боевые отличия, быть удостоен награждением обеими степенями ордена». Наградным знаком ордена был железный крест.

Врангель хорошо понимал, что среди мер идеологического воздействия на подчиненные ему армию и население не последнюю роль играют средства массовой информации. 26 июня, отметив, что «правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной мысли, редко достигающих своей цели», он упразднил Центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов, а отдел печати передал в ведение начальника гражданского управления. Барон считал: «Пусть судят власть по ее действиям». С

20 июля вместо прежних местных политических отделений были созданы представительства Южнорусского телеграфного агентства. Главой отдела печати был поставлен Г. В. Немирович-Данченко, позже его сменил Г. В. Вернадский.

По мнению Врангеля, в работе средств массовой информации «камертон давала севастопольская пресса: “Вечернее Слово”, редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, “Юг России” под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления, и “Крымский Вестник”, либеральничавший еврейский орган». Серьезного официального издания не было. Таковым стала «Великая Россия», редактируемая Чебышевым и Львовым.

Врангель разъяснил свою позицию по вопросу о цензуре печати редакторам крупнейших крымских газет:

«Предложив им чаю, я высказал большое удовлетворение видеть у себя представителей местной прессы, наиболее близко стоящей к органам правительственной власти, к голосу которой, конечно, прислушивается провинциальная печать.

— Некоторые из вас, господа, знают меня, вероятно, по прежней моей деятельности и знают, что я всегда был другом печати. Печатному слову я придаю исключительное значение особенно в настоящие дни, когда вся страна, весь народ не могут оставаться в стороне от событий, переживаемых родиной. Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам. Вместе с тем я должен указать вам, что мы находимся в положении исключительном. Мы в осажденной крепости — противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов».

В этих условиях, считал Врангель, невозможно обойтись без цензуры, причем она должна распространяться не только на военные вопросы, ибо отделить военную цензуру от общей невозможно во время всякой войны, а тем более гражданской, «где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи».

«Я не сомневаюсь, господа, в вашем патриотизме, — продолжил барон, — и очень бы хотел избавить вас от тех стеснений, которые мешают вашей работе. Вместе с тем, будучи ответствен за то дело, во главе которого стою, я вынужден принять меры для ограждения армии и населения, под защитой армии находящегося, от всего того, что могло бы им угрожать. Я предлагаю на ваше усмотрение два выхода: или сохранить существующий ныне порядок, причем я обещаю вам принять все меры к тому, чтобы упорядочить цензуру, чтобы

подобрать соответствующий состав цензоров, или, освободив печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов. В этом случае последние являются ответственными перед судебной властью. В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени, как за преступление военного характера. Должен обратить ваше внимание, что, по военным законам, действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. Обдумайте, господа, мое предложение и дайте мне ваш ответ».

Издателям явно не хотелось взваливать этот груз на свои плечи: «Первым подал голос редактор “Крымского Вестника”, поспешиивший заявить, что, ввиду нашего исключительно тяжелого положения и учитывая все приведенные мною соображения, он готов признать вопрос об отмене цензуры несвоевременным; с ним согласился представитель редакции “Юга России”. Один Бурнакин (редактор «Вечернего слова». — Б. С.) сказал, что готов принять ответственность за свой орган. После этой беседы вопрос об отмене цензуры на столбцах печати больше не обсуждался». Редакторы благоразумно предпочли, чтобы газеты выходили с цензурными пробелами, чтобы не «нести ответственность по законам военного времени» за публикацию материалов, которые могли счесть идущими на пользу врагу.

Цензура при Врангеле было более упорядоченной и либеральной, чем при Деникине. Но не обходилось и без курьезов. Однажды была запрещена официальная речь самого Врангеля как «слишком революционная», а в другой раз — заметка А. В. Кривошеина, якобы «подрывающая существующий государственный порядок».

В то же время был приостановлен выпуск не только левых изданий, но и черносотенных «Царь-колокола», обвинявшего правительство в демократизме, и ведшей погромную агитацию «Русской правды». Последняя напечатала 29 июня две статьи, по мнению Врангеля, «антисемитского направления». К нему почти одновременно пришли военные представители Соединенных Штатов и Франции с номерами газеты в руках и предупреждали о том неблагоприятном впечатлении, которое эти статьи неминуемо произведут на общественное мнение их стран. На следующий день Врангель опубликовал приказ:

«Мною неоднократно указывалось, что в настоящий грозный час лишь в единении всех русских граждан спасение Родины. Всякая национальная, классовая или партийная вражда, исключая возможность деловой работы, недопустимы. Между тем натравливание одной части населения на другую

всё еще не прекращается, и чины Правительственных учреждений в отдельных случаях не принимают должных мер для пресечения этого зла в корне. Передо мной номер газеты “Русская Правда” с рядом статей погромного характера.

Объявляю выговор начальнику военно-цензурного отделения полк. Игнатьеву.

Старшего цензора Власьяка отрешаю от должности.

Газету закрыть».

Возникали проблемы и с левыми газетами. Так, в конце сентября Шатилов телеграфировал члену правительства С. Д. Тверскому:

«Главком приказал выяснить расследованием, по вине какого цензора появилась в номере 26 газеты “Крестьянский Путь” статья “Довольно бесчинств”. Виновного цензора главком приказал арестовать, а редактора газеты предупредить, что в случае повторения подобных статей в газете она будет закрыта, сам он будет выселен из пределов Крыма за тенденциозное освещение распоряжений агентов власти, не имеющее других последствий, кроме ее дискредитирования. По всем изложенным в статье злоупотреблениям главком приказал произвести расследование, снесясь с генералом Ронжиным, если это потребуется».

По мнению В. А. Оболенского, из примерно двадцати крымских газет три были независимые, две («Таврический голос» и «Великая Россия») — «умеренные». Остальные же он определяет как «явно монархические» или «рептильные».

Практически все печатные издания находились в сильной экономической зависимости от правительства, которое их финансировало и снабжало бумагой. Самостоятельно существовали только «Южные ведомости» в Симферополе, издаваемые на средства кооперативов, и «Ялтинский курьер», вскоре закрытый из-за «социалистической направленности».

По свидетельству Г. В. Вернадского, журналисты «понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали в своих газетных писаниях в отношении острых политических и военных вопросов».

В. А. Оболенский характеризовал ситуацию с крымскими средствами массовой информации следующим образом:

«Злоба, клевета и доносы, с одной стороны, баxвальство и “шапками закидаем”, с другой — основные черты всей этой ужасной удушающей прессы. А если говорить о направлении, то, за исключением “Таврического голоса”, допускавшего известный либерализм суждений, и “Великой России”, стараящейся быть умеренной, всё это были газеты определенно правового, явно монархического уклона. Конечно, преобладание

правых газет среди субсидировавшихся правительством не было простой случайностью, ибо если еще можно допустить, что “правые руки могли творить левую (практическую) политику”, то правая голова не могла говорить левые слова».

По словам же самого Врангеля, «субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили власти самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли», за исключением газеты «Великая Россия».

Тиражи изданий были невелики, а цена довольно высока из-за дороговизны бумаги и быстро растущей зарплаты типографских рабочих. Наборщик, например, получал за набранную строку гораздо больше, чем написавший ее журналист. К концу лета номер газеты обычно стоил от 500 до 800 рублей, тогда как фунт хлеба — 200 рублей.

В июне на фронт доставлялось ежедневно 1620 номеров разных газет, в августе количество отправляемых экземпляров уже перевалило за десять тысяч. Но нередко газеты до боевых частей не доходили, поскольку штабные чины оставляли их себе или даже перепродают местному населению для чтения или «на цигарки». Но в любом случае эффективность газет как средства пропаганды была невелика. Тут сказывалось как различие направлений газет, плохое знакомство большинства журналистов с народной жизнью и фронтовыми реалиями, так и отсутствие единого координирующего центра, организующего пропагандистские кампании. Отдел печати таким центром ни в коем случае не являлся. Да и рядовые солдаты и казаки врангелевских войск были людьми не слишком грамотными, и читать прессу им было трудно. В большей мере пропагандистским целям служили листовки, в том числе и с врангелевскими приказами. Но не все приказы главкома, часто касавшиеся сложных юридических вопросов, были достаточно просты, чтобы их могли понять крестьяне и солдаты. Тут требовался их доступный пересказ в листовках, а их часто некому было писать; да и те, кто их составлял, как правило, не умели доводить суть политики Врангеля до народа.

Так, совершив в июле поездку по прифронтовой полосе, епископ Вениамин встретил лишь одного правительенного агитатора, у которого при себе не было даже текста земельного закона. Пришлось архиерею отдать ему свой экземпляр. Агитаторов почти не было, а те, которые имелись, часто не умели агитировать. Шесть агитаторов, посланных в Мелитополь, были после первых же выступлений отосланы с фронта, так как Кутепову и его помощнику по гражданской части не понравилось содержание их выступлений.

В журнале правительства от 20 августа было отмечено, что «главнокомандующий недоволен постановкою агитации в прифронтовой полосе, находя, что разъяснения правительственные мероприятий должны производиться каждым ведомством по своей части, а не малоопытными дилетантами, вносящими в это дело путаницу и нередко дающими разъяснения, несогласные с видами Правительства. Главнокомандующий приказал всех такого рода агитаторов и разъяснятелей удалить с фронта».

А вот образец листовки, призывавшей красноармейцев переходить на сторону Русской армии:

«КОМАНДИРЫ И КРАСНОАРМЕЙЦЫ КРАСНОЙ КОННОЙ АРМИИ

Волей Вашей вы заставили комиссаров прекратить войну с Польшей, несмотря на то, что они морочили Вам головы, что «вы защищаете Родину от Польской шляхты».

ВЫ УБЕДИЛИСЬ, ЧТО НЕ РОДИНУ ВЫ ЗАЩИЩАЛИ, А ВЛАСТЬ КОМИССАРОВ.

Вы решили кончить войну и ЗАСТАВИЛИ КОМИССАРОВ ПОДЧИНИТЬСЯ ВАШЕМУ РЕШЕНИЮ.

Поймите, что комиссары пошли на уступки Вам только для того, чтобы УДЕРЖАТЬ ЗА СОБОЙ ВЛАСТЬ, УПРАВЛЯТЬ ВАМИ И УГНЕТАТЬ НАРОД.

Если не будет у вас Польского фронта, то УЖЕ ОПЯТЬ ВОЗНИК СИБИРСКИЙ ФРОНТ, куда опять начнут вас гнать.

И не будет конца вашим мытарствам, ибо БЕЗ ВОЙНЫ КОМИССАРОДЕРЖАВИЕ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕТ: не будет войны внешней, комиссары будут воевать с Русским народом.

РУССКАЯ АРМИЯ БОРЕТСЯ НЕ С РУССКИМ НАРОДОМ, А С ЕГО УГНЕТАТЕЛЯМИ КОММУНИСТАМИ И КОМИССАРАМИ; ОНА ДАЕТ НАРОДУ ЗЕМЛЮ И НАРОДУ ПРАВА.

Командиры и красноармейцы. Скажите коммунистам и комиссарам свое твердое слово «ЗА РУССКИЙ НАРОД, ЗА ЕГО ПРАВО РЕШИТЬ СВОЮ СУДЬБУ».

Уничтожьте коммунистов и комиссаров; ПЕРЕХОДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ, чем вы ускорите конец братоубийственной войны.

РУССКАЯ АРМИЯ с верой в правоту своего дела БУДЕТ БОРОТЬСЯ ЗА ЛУЧШУЮ ЖИЗНЬ, ЗА СВОБОДУ И ПРАВО НАРОДА И ПРОТЯНЕТ БРАТСКИ РУКУ ВСЯКОМУ, КТО БУДЕТ ЕЙ ПОМОГАТЬ В ЭТОМ.

УНИЧТОЖЬТЕ КОММУНИСТОВ И КОМИССАРОВ,

ВАШИХ УГНЕТАТЕЛЕЙ; ПЕРЕХОДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ, ЧЕМ УСКОРИТЕ КОНЕЦ “КОМИССАРОДЕРЖАВИЯ”, а над исстрадавшейся Родиной взойдет солнце свободной, новой жизни.

СУДЬБУ РОДИНЫ РЕШИТ НАРОД, А НЕ КОММУНИСТЫ И КОМИССАРЫ.

**ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
РУССКОЙ АРМИИ».**

Разумеется, столь непонятная по содержанию, написанная казенным языком листовка не могла сагитировать красноармейцев переходить на сторону врангелевцев, тем более в то время, когда после советско-польского перемирия все советские силы сосредоточивались против белого Крыма и его положение становилось безнадежным. И почему красноармейцы должны были поверить, что именно они заставили большевиков заключить мир с Польшей? И что могли внушиТЬ крестьянину, одетому в солдатскую шинель, слова о том, что Русская армия борется «за свободу и право народа», без разъяснений, какая именно свобода и какое право имеются в виду?

В качестве средства информации для правительства и населения газеты также большой роли не играли. Собственной корреспондентской сети за рубежом, а тем более за линией фронта или в белых войсках у них не было. Они питались слухами или информацией, предоставляемой правительственным Южнорусским телеграфным агентством.

В сентябре разразился скандал с заведующим отделом печати крымского правительства Г. В. Немировичем-Данченко, человеком весьма правых взглядов. Оказалось, что под разными псевдонимами, в том числе «Смиренный Пимен» или «Розовый Мускат», он печатал статьи, резко критикующие работу тыловых учреждений, и при этом оперировал данными, которыми мог располагать только высокопоставленный правительственный чиновник. В результате Немирович-Данченко был заменен профессором истории Г. В. Вернадским, будущим «евразийцем», которого рекомендовал Струве.

В связи с делом Немировича-Данченко Врангель 12 сентября издал приказ об учреждении комиссии высшего правительенного надзора под председательством генерала Э. В. Экка, «куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти». «...Огульную... критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения», — объявил главнокомандующий в приказе и пригрозил:

«...за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет».

Важнейшим направлением внутренней политики крымского правительства, по замыслу Врангеля, должно было стать осуществление аграрной реформы, воплотившейся в закон о земле. Его прежде всего и старались пропагандировать как среди населения Крыма и Северной Таврии, так и среди красноармейцев и крестьян за линией фронта.

Врангель был убежден, что решение земельного вопроса «должно было выбить из рук наших врагов главное орудие политической борьбы, ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах». На практике же проведенная (скорее, провозглашенная) реформа наибольшее значение имела как раз для внешней политики, во многом обеспечив признание де-факто врангелевского правительства со стороны Франции.

В Северной Таврии не было крепостного права. После Столыпинской аграрной реформы 76 процентов тамошних крестьян-общинников обратились с требованием «укрепить свои наделы в единоличную собственность», что было рекордным показателем для Российской империи. Здесь были очень крупные имения, за счет которых можно было удовлетворить требования малоземельных крестьян.

В двадцатых числах марта 1920 года Врангель обратился к начальнику Гражданского управления сенатору Г. В. Глинке с письмом, где предлагал в срочном порядке приступить к упорядочению землепользования на территории, контролировавшейся Вооруженными силами Юга России, и приказывал образовать Центральную земельную комиссию из представителей земских управлений и «сведущих лиц». Комиссия должна была за месяц разработать план земельной реформы.

Врангель сформулировал основные принципы, которыми комиссия должна была руководствоваться:

1. Земля должна принадлежать на праве частной собственности только тому, кто ее обрабатывает, и не может быть предметом торговли или аренды.

2. Государство обязано следить, чтобы земля не истощалась, использовалась правильно и не лежала необработанной.

3. В зависимости от запаса земли, плотности населения и рода хозяйства размер наделов определяется особо для каждой губернии и уезда.

4. Все удельные, государственные, монастырские, церковные и частновладельческие земли, превышающие установленную для данной местности норму, подлежат отчуждению в земельный фонд для распределения за плату между малоземельными и безземельными крестьянами.

5. Высококультурные и показательные хозяйства должны быть сохранены, с установлением для них особых, высших размеров наделов.

6. Получающий надел обязуется уплатить его стоимость государству по составляемой для каждой местности расценке, а кроме того, вносить государственный земельный налог частью своего урожая.

7. Из полученных за наделы денег образуется государственный фонд, из которого государство производит расчет с владельцами отчуждаемых земель.

Обращает на себя внимание стремление Врангеля к бюрократической регламентации сельскохозяйственного производства. На практике без купли-продажи и аренды после проведения реформы в условиях рыночной экономики никак не обойтись, поскольку некоторые хозяева неизбежно должны разоряться и продавать свои наделы, тогда как другие, успешные, будут расширять производство за счет покупки или аренды дополнительных земель. Да и для того чтобы следить за «правильным» использованием земель, потребовался бы многочисленный аппарат на местах, который, очевидно, пришлось бы содержать за счет земств. К тому же здесь создавалась почва для злоупотреблений. И, разумеется, в реальных условиях Крыма и Северной Таврии 1920 года, при ограниченности людских ресурсов врангелевской гражданской администрации и во время непрекращавшихся боевых действий, ни о каком правительственном контроле над землепользованием не могло быть и речи.

Глинка собрал комиссию из одних только «сведущих лиц», большинство из которых было настроено консервативно. Проведя в начале апреля в Ялте несколько совещаний, комиссия пришла к выводу о несвоевременности правительственной декларации по земльному вопросу.

Совещание предлагало «восстановить немедленно права на землю всех хозяев, согнанных с их хозяйств насилиниами», обещая, правда, воздержаться «от всяких мер возмездия против захватчиков». Проведение подобной политики было чревато серьезными крестьянскими волнениями.

Врангель ознакомился с протоколом ялтинского совещания 8 апреля. В тот же день ему был подан секретный доклад Махрова, предлагавшего «объявить в декларации максимум земельной единоличной собственности, обратив теперь же всё остальное в государственный земельный фонд», из которого бы наделяли крестьян дополнительной землей. Размер максимального надела предлагался не более чем в 100 десятин (гаектаров), а к реформе следовало приступить «теперь же». На по-

лях доклада Махрова Петр Николаевич написал: «Это верно, но сейчас невозможно, ибо отчуждение связано с расценкой, каковую фактически сделать нельзя». Взамен он предлагал раздел казенных земель и обязательную обработку всей пригодной земли, «чем достигается переход ее трудящимся». А наложенном к докладу проекте декларации Врангель сделал пометку: «...Декларация излишняя, их было слишком много. Пусть судят о власти по действиям ее».

Одннадцатого апреля Врангель приказал создать новую Особую комиссию под председательством Глинки «для выработки и проведения в срочном порядке наиболее настоятельных мер по разрешению земельного вопроса применительно к местным условиям Крыма». Она заседала в Симферополе 21—27 апреля. Члены комиссии разделились на две группы: одна выступала за проведение реформы в ближайшем будущем, с передачей крестьянам обрабатываемой ими земли за плату, другая «решительно отвергла мысль о немедленном принудительном отчуждении частновладельческих земель».

На последнем заседании был оглашен «Проект мероприятий по земельному вопросу в Крыму», предусматривавший возможность продажи арендаторам земель по соглашению с землевладельцами. После 15 апреля 1921 года непроданные земли, подлежащие отчуждению, должны были поступить в распоряжение правительства. Максимальный надел определялся в 200 десятин для бывших арендаторов и 400 десятин для собственников, если они пожелают самостоятельно вести хозяйство. Из реформы исключались церковные, монастырские и вакуфные (переданные мусульманскому духовенству или общине) земли.

Несколько членов Особой комиссии с этим проектом не согласились и подали особые мнения, где отрицали необходимость общей земельной реформы. Сторонник скорейшего проведения реформы В. А. Оболенский утверждал, что ее отсрочка приведет к потере поддержки со стороны крестьян, которые больше не верят голословным обещаниям не раз сменявшихся властей. Пока фронт близко, крестьяне покупать земли не будут, боясь, что большевики сделки не признают. Если же военные действия отдалятся, помещики не захотят продавать землю, поскольку деньги почти ничего не стоят. Оболенский видел выход в том, чтобы немедленно передать крестьянам не только сдаваемые в аренду, но и все неиспользованные в течение трех последних лет земли. Владельцы, считал он, не должны иметь право сохранить за собой более 100 десятин.

Врангель упрекнул Особую комиссию в том, что она «недостаточно широко пошла навстречу сложившимся в крестьян-

ской среде представлениям о действительных потребностях земельного устройства». Предложения же Оболенского ему понравились. Правитель Юга России поручил Глинке «приготовить в самый кратчайший срок земельный законопроект».

Поручение было выполнено к середине мая. 18-го числа Глинка ознакомил с проектами земельного закона и закона о волостном земстве членов совета при главнокомандующем. Большинство из них отнеслось к проектам отрицательно. Кроме Врангеля и Глинки их поддержали лишь двое. Тем не менее Врангель утвердил оба проекта «по закрытии заседания совета».

Закон о земле предусматривал, что земли, не обрабатываемые их собственниками, за исключением церковных, монастырских и вакуфных, а также надельных, закрепляются за теми, кто их фактически обрабатывает и использует. Общее количество отчуждаемой земли определялось волостными земельными советами. За прежними владельцами сохранялась часть, размер которой определялся местными земельными комиссиями. К примеру, в Перекопском уезде максимальный размер неотчуждаемой земли составлял от 150 до 400 десятин, в Евпаторийском — 100 десятин. Не подлежали разделу крупные имения, где ведется передовыми методами крупное товарное хозяйство. Собственникам, у которых земли изымались, их потерю компенсировало государство. Крестьяне же за полученную землю должны были расплачиваться с государством в размере пятой части среднегодового за последние десять лет урожая (хлебом или деньгами) в течение двадцати пяти лет. При трехпольной системе ежегодный выкуп в пятую часть урожая с десятины реально превращался почти в треть, а при достаточно распространенной в Крыму залежной системе — в половину, а то и более. Выплаты были больше тех, которые должны были делать крестьяне при Деникине. К тому же первый взнос за земельный участок необходимо было вносить предоплатой, что для многих стало непосильным бременем.

Введение платы за получаемую землю объяснялось желанием добиться ее закрепления за «настоящими, прочными хозяевами», а не за «всяким падким на даровщину и чуждым земле человеком». Указывалось, что ежегодная выплата государству значительно ниже обычной арендной цены земли и обеспечивает, после истечения положенного срока, полную собственность на нее. Пояснялось также, что, каковы бы ни были решения земельных советов, «каждому посевщику непременно обеспечивается право снять урожай, а каждому обрабатывающему землю — оплата его труда». В приказе от 15 (28) июля Врангель особо подчеркнул: «Кому земля, тому и

распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения».

Волостные и уездные советы учреждались лишь на год, для немедленного осуществления земельной реформы; их должны были вскоре сменить волостные и уездные земства.

Не был до конца прояснен вопрос о возмещении убытка собственникам отчуждаемых земель. Предполагалось возмещать стоимость отчуждаемой земли, оцененную в три урожая, в виде ежегодной выплаты ее части в течение двадцати пяти лет. Заметим, что крестьянам землю отпускали по более дорогой цене — за пять урожаев. Следовательно, 40 процентов выкупных платежей государство оставляло в свою пользу.

Несомненно, что по сравнению со Столыпинской реформой врангелевский земельный закон был весьма прогрессивен, но с учетом революционных реалий выглядел устаревшим. Он вызвал разочарование крестьян, ведь земля уже фактически находилась в их владении, а платежи были слишком обременительными. Сам Врангель признавал, что вопрос о выкупе порождал сомнения у крестьян. Они не хотели платить выкупные платежи помещикам, которых считали захватчиками исконных крестьянских земель. К тому же пугал 25-летний срок, в течение которого они не были полноправными собственниками земли, и не только потому, что в это время они не могли продавать и, соответственно, покупать полученную землю. Главное — они боялись, что в случае победы белых за 25 лет найдется масса вполне законных предложений, чтобы согнать их с этой земли. А в случае победы красных врангелевский закон превратился бы в бесполезный клочок бумаги. Как писал в отчете начальству таврический губернский посредник Шлейфер, крестьяне поверят власти лишь при условии «непрерывного, достаточно быстрого и, главное, прочного продвижения фронта вперед». По мере того как фронт удалялся от Крыма, росло число требований о выделении земли в собственность. В середине июня уездные посредники с помощниками, землеустроителями и землемерами приступили к воплощению закона о земле в жизнь. И тут выяснилось, что крестьяне от него отнюдь не в восторге, хотя и открытого неприятия не выражают (последнее в условиях Гражданской войны было просто рискованным).

Как доносил 4 октября Шлейфер, «не рискуя впасть в ошибку, можно сказать, что в земельном законе крестьянство видит шаг чисто политический и еще не верит в прокламированное законом уничтожение помещичьего землевладения». Врангель же пытался опереться на крестьянство, хотя и признавал, что привлечение его на свою сторону — процесс длительный. Об

этом он достаточно откровенно говорил В. В. Шульгину: «Надо на кого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит». Но времени для завоевания крестьянских симпатий у Врангеля не оказалось.

С помощью земельного закона правительство Крыма рассчитывало решить проблему пополнения рядов Русской армии. Но и после введения его в действие мобилизации шли ни шатко ни валко. И. М. Калинин свидетельствует:

«...Приступили к насильственному набору. В деревнях устраивалась охота за черепами... С ночи деревню, точно неприятельскую позицию, окружали цепями, на рассвете приступали к штурму, т. е. повальным обыскам. У выходов из деревни становились посты. Особые дозоры следили за тем, чтобы кто-нибудь по задворкам не скрылся в степь...

А вождь становился всё грознее и грознее. В августе он разразился громовым приказом, повелевая хватать и сажать под арест родителей и жен уклоняющихся от мобилизации, имущество же их подвергать конфискации.

С щемящей болью на сердце тыловые команды начали ловить молодух, стариков, старух и запирать их в сараи под караул. Стон и плач пошли по деревням».

Вероятно, в тех условиях оптимальным для Врангеля был бы такой закон о земле, который немедленно закреплял бы ее в собственность тех, кто ее фактически использует, с принятием государством на себя выкупных платежей и всех расчетов с прежними собственниками. Крестьяне же платили бы не выкупные платежи, а налог, причем в размере не более седьмой части фактического урожая (с учетом того, что часть земли оставалась под паром). Оставшееся же крупное помещичье землевладение стоило бы ограничить 100 десятинами, но разрешить свободную куплю-продажу и аренду земель, причем на новоприобретенные земли это ограничение уже не распространялось бы. Такой закон, вероятно, крестьяне бы приняли, и тогда многие проблемы белого Крыма были бы решены. Врангель получил бы определенную социальную базу. Появился бы шанс, что, по крайней мере, часть крестьян перестала бы уклоняться от мобилизации в Русскую армию. Если бы реквизиции были заменены упорядоченным сбором седьмой части урожая в качестве налога, после уплаты которого крестьяне получали бы заветную «бумажку с орлом», то со-

бранного хлеба и другого продовольствия вполне хватило бы для снабжения армии и населения Крыма.

Заметим, что примерно по такой схеме реформировалось аграрное законодательство в Польше, Румынии и других государствах-лимитрофах. При этом помещики нередко никакого возмещения от государства на деле не получали (или его размер был значительно ниже реальной рыночной стоимости земли) и довольствовались оставшимися у них наделами. Подобная аграрная реформа, в частности, обеспечила правительству Пилсудского поддержку польского крестьянства в самый напряженный период советско-польской войны. Однако Врангель по своему происхождению, воспитанию и традициям не мог решиться на то, чтобы отдавать крестьянам фактически даром захваченные ими земли и оставлять землевладельцев-помещиков без справедливой, как ему казалось, компенсации.

Глава правительства А. В. Кривошеин в глубине души не сочувствовал аграрной реформе. 8 (21) октября 1920 года посол в Париже В. А. Маклаков писал послу в США Б. А. Бахметьеву: «Кривошеин проводит эту реформу без всякого увлечения и этого не скрывает. Он говорил мне: я всегда считал подобную реформу вредной для России; она понизит производительность сельского хозяйства, главного источника нашего богатства. Но сейчас она стала необходима и экономически, и политически; экономически, так как теперь нет возможностей, чтобы вести большое хозяйство, а политически, так как это есть орудие в борьбе с большевизмом». Как мы помним, Шульгин также заметил, что Кривошеин не верил в конечный успех врангелевского дела.

Врангель же считал, что « дух нового закона был понят населением ». Действительно, некоторые зажиточные крестьяне предпочли сразу заплатить всю выкупную сумму за полученные земли стремительно обесценившимися купюрами Деникина и Врангеля, заключить добровольные сделки с помещиками и стать полноправными собственниками. Вероятно, они надеялись, что большевики тоже признают выкупленные земли за ними. Однако середняки и тем более малоимущие не спешили вносить выкупные платежи, а порой и не могли этого сделать.

Но и помещики также были недовольны, ведь основная масса их земель переходила к крестьянам за сравнительно небольшой выкуп. В окружении Врангеля шутили, что земельный закон он учредил лишь потому, что у его тещи в Северной Таврии было огромное имение. А на жалобу о том, что земельный закон слишком обременителен для помещиков, Врангель

отвечал с улыбкой, что он сам помещик и у него первого придется изымать землю в пользу крестьян. Однако помещики саботировали выполнение закона, пытались согнать со своих земель арендаторов и т. п.

Осуществляли реформу тесно связанные с помещиками довоенные чиновники, доставшие из нафталина свои вицмундиры. Врангель отдал приказ о недопущении помещиков на административные должности в освобожденных местностях, чтобы «пресечь там имевшие место случаи сведения личных счетов администраторов из помещиков с крестьянами».

Реформа была почти доведена до конца только в имении Атманай Филибера-Шатилова в Ефремовской волости Мелитопольского уезда. Здесь предполагалось распределить около семи тысяч десятин земли среди 143 крестьянских семей. Фактически до ухода врангелевцев из Северной Таврии 394 хозяевам успели передать более пяти тысяч десятин.

Однако Атманай оказался «потемкинской деревней», поскольку положение там никак не соответствовало тому, как протекала реформа в Мелитопольском уезде и во всей Таврической губернии. В начале октября 1920 года таврический губернский посредник по земельным делам Шлейфер докладывал: «Обращаясь к Мелитопольскому уезду, надо прежде всего сказать, что внимание посредника за последние полтора месяца было отвлечено в сторону Атманая, и потому работа в уезде значительно затихла...»

В случае победы Врангеля и его утверждения в Москве аграрная реформа могла быть доведена до конца. Но в ходе Гражданской войны она никакой существенной роли не сыграла. Закон о земле не привлек на сторону Врангеля симпатии крестьянства. Впрочем, сам барон, похоже, рассматривал этот закон прежде всего с точки зрения его внешнеполитической роли. Закон должен был продемонстрировать правительствам и общественности Англии, Франции и США демократизм белых и отсутствие у них реставрационных намерений. Не случайно 7 июня П. Б. Струве передал главе французского правительства Александру Мильтерану официальное письмо, где подчеркивалось: «Захват крестьянами поместных земель, во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, существующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающем чаяниям крестьян».

Претворять же земельный закон в жизнь в полной мере главнокомандующий рассчитывал только в случае победы над большевиками, в которую, правда, не слишком верил.

Сыграло свое роль и то обстоятельство, что в условиях острой нехватки инвентаря (его разграбили) и рабочих рук (рабочники были убиты или мобилизованы в воюющие армии) интересы элементарного выживания требовали от крестьян получить возможность обработать столько земли, чтобы не умереть с голода. Мобилизация в армию была для них разорительна, посему они от нее всячески уклонялись. В этой ситуации укрепление в собственность дополнительных наделов земли не имело для крестьян жизненного значения, тем более что они и так ее обрабатывали.

Даже те, кто поддерживал закон, например В. А. Оболенский, указывали на его несоответствие реальным условиям военного времени, слишком большую сложность для народного восприятия и отсутствие возможностей для его практической реализации.

Одной из главных проблем, с которой столкнулся Врангель в Крыму, был хронический дефицит государственных финансов при растущей инфляции.

По подсчетам М. С. Маргулиеса, содержание одного человека в рядах Русской армии обходилось в июне в десять тысяч рублей (что тогда равнялось одному английскому фунту) в день. Таким образом, вооруженные силы съедали ежемесячно около миллиона британских фунтов. А ведь еще надо было кормить сотни тысяч государственных служащих и беженцев. Займов никто Врангелю не давал. Оставались только два средства финансирования государственных расходов: налоги и печатание денег. Врангель также надеялся использовать денежные средства и имущество, принадлежавшие другим белым правительствам и оставшиеся после прекращения их существования за границей.

Поступления от подоходного прогрессивного налога в Крыму оказались ничтожными, поскольку доходы некому было контролировать. Начальник Управления финансов М. В. Бернацкий предложил сделать упор на косвенные налоги. Обложению подверглись спиртные напитки, табак, сахар, чай, кофе и даже безалкогольные напитки.

Бернацкий потребовал изъять из обращения советские дензнаки, чтобы их эмиссия не усилила инфляцию в Крыму. Он предложил провести деноминацию прежних деникинских денег, чтобы новые рубли имели твердый курс за счет сбора налогов и доходов от экспортных операций и внутренней торговли. Бернацкий призывал также разрешить использование

золота при торговых сделках. Он заказал в Англии новые деньги на общий номинал в 22 миллиарда рублей. Их даже доставили в Крым, но в обращение не выпустили, поскольку идею деноминации отвергло созванное Врангелем осенью финансовое совещание. К тому времени бессмысленность деноминации стала очевидной. Поддерживать курс рубля было нечего, иностранные займы так и не были получены, а инфляция росла устрашающими темпами.

В октябре Врангель решил сместить М. В. Бернацкого с должности начальника Управления финансов, считая его теоретиком, а не «человеком дела». Но никто из видных российских финансистов, включая бывшего царского министра финансов П. Л. Барка, ехать в Крым не захотел, понимая безнадежность положения белого правительства.

Ничего не могло изменить и экономическое совещание, проходившее в конце сентября — начале октября с участием русских экономистов и политиков из Константинополя, Парижа и Белграда. Оно рекомендовало правительству издать указ «О свободном вывозе валюты и предметов роскоши, но не предметов культурного и домашнего обихода». Но это и другие вполне разумные решения относительно ограничения номенклатуры предметов внешней торговли остались на бумаге из-за расцвета коррупции. Только с 1 февраля по 1 сентября 1920 года из Крыма было вывезено около 300 тысяч тонн ячменя, 83 тысячи тонн соли, 11—12 тысяч тонн льняного семени, 12 тысяч тонн табака, 6300 тонн шерсти и т. д. Причем нередко на вырученные средства ничего путного не закупалось. Дельцы, чувствуя обреченность Крыма, придерживали валюту.

Между тем в Крыму катастрофически не хватало не только зерновых, но и горюче-смазочных материалов, из-за чего нередко простоявал военный флот и ставилась под угрозу эвакуация. С учетом доставки топлива морем уголь стоил так же, как ячмень, нефть — дороже в четыре-пять раз, бензин — в восемь раз. Потребности в угле обеспечивались только на 30 процентов, а в жидким топливом — на 50 процентов. На Бешуйских копях к июлю ежедневная добыча угля составила лишь тысячу пудов, а к ноябрю — три тысячи, из которых крестьянскими подводами удавалось вывозить лишь 500 пудов в день. Это обеспечивало лишь 5 процентов потребностей. За время правления Врангеля в Крым было ввезено около четырех миллионов пудов угля и 360 тысяч пудов жидкого топлива.

У крестьян производилась государственная и частная закупка хлеба для армии, городского населения и экспорта. Интендантства покупали хлеб по твердым ценам, которые были в

пять-шесть раз ниже рыночных. Если крестьяне отказывались продавать хлеб на таких условиях, производились реквизиции.

Бюджетный дефицит к осени составил 250 миллиардов рублей, что было на 70 миллиардов больше, чем вся денежная эмиссия в феврале—октябре 1920 года в Крыму. Начальник Управления торговли и промышленности В. С. Налбандов предложил для его частичного покрытия организовать совместный вывоз хлеба государством и частными фирмами. Успели заключить контракты на десять миллионов пудов и вывезти миллион пудов, что финансового положения Крыма принципиально не улучшило, хотя и не создало продовольственного кризиса (в среднем на одного жителя Крыма и Северной Таврии приходилось лишь 5,5 килограмма вывезенного зерна). Но с помощью хлебного экспорта правительство Врангеля рассчитывало привлечь на свою сторону общественность Франции, в которой обострилась зерновая проблема. Однако французский заем Врангель получить не успел.

Существовало множество проектов строительства в Крыму заводов и фабрик, однако, поскольку существовала государственная экспортная монополия, их инициаторы требовали лицензий на экспорт сырья, чтобы купить за границей оборудование. Ряд лицензий был выдан, но ни один завод, естественно, так и не былпущен. Закон о монополии служил лишь еще одним источником коррупции.

Вывезя только из Северной Таврии в период с июня по октябрь 1,5 миллиона пудов (24 тысячи тонн) зерна, 500 тысяч пудов (8 тысяч тонн) соли (она вывозилась в основном из Крыма), а также немало шерсти и табака, предприниматели не доплатили в казну порядка десяти миллионов франков, явно поделившись этой суммой с чиновниками. Большинство бизнесменов, занимавшихся экспортно-импортными операциями, покинули Крым задолго до эвакуации Русской армии.

В июле Врангель и А. В. Кривошеин пришли к выводу о необходимости установить государственную монополию на вывоз хлеба, хотя, по словам Врангеля, «мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу». Экспортеры получали 20 процентов выручки, остальная валюта шла в казну.

Как отмечает В. А. Оболенский, хлебная монополия породила целое море злоупотреблений, поскольку «экспортные свидетельства порой добывались благодаря крупным взяткам, и так как частные предприниматели работали на средства казны, их мало беспокоил рост рыночных цен».

За время правления Врангеля в Крым было ввезено также

250 тысяч тонн продовольственных товаров (жиров, чая, сахара, напитков и др.), 30 тысяч пудов (около 480 тонн) бумаги, 70 тысяч пудов (около 1,1 тысячи тонн) текстиля.

Во внутренней торговле царил натуральный обмен. Роль денег играли табак, вино, ячмень, шерсть. Торговали и на валюту. Турецкая лира в октябре стоила 20 тысяч рублей, и за нее можно было купить пуд ячменя. Процветали хищения и коррупция. Грозные врангелевские приказы не помогали.

Стремительно росла инфляция. Фунт пшеничного хлеба в апреле стоил 35 рублей, а в октябре — 500, фунт говядины — соответственно 350 и 1800 рублей, фунт сахара — 1000 и 9000 рублей, литр молока — 200 и 2500 рублей.

С ростом цен повышалась и зарплата. Уровень жизни в Крыму, особенно у рабочих, для которых Врангель создал режим наибольшего благоприятствования (их продукция шла главным образом на военные нужды), был выше, чем в Советской России. Шульгин, приехавший 27 июля из Одессы в Севастополь, свидетельствует, что по соотношению зарплаты и цен на основные товары первой необходимости уровень жизни одесских рабочих был примерно вдвое ниже, чем севастопольских. Ежемесячно, а то и чаще, рабочие предъявляли предпринимателям требования повышения ставок на 50—100 процентов. В результате их зарплата росла быстрее, чем у служащих, хотя и отставала от темпов роста цен в полтора-два раза. Так, за этот период высшая ставка печатника увеличилась с 30 630 до 417 тысяч рублей, металлиста — с 36 125 до 262 тысяч, рабочего обрабатывающей промышленности — с 24 тысяч до 467 800, строителя — с 40 тысяч до 600 тысяч.

А вот у военных и госслужащих зарплата была в три—семь раз ниже зарплаты рабочих. При этом максимальная зарплата штаб-офицера достигала 132 тысяч рублей, генерала — 240 тысяч. Прожиточный минимум для семьи из трех человек составил в октябре 534 725 рублей, так что даже полковники и генералы на свое жалованье не могли содержать семьи. В связи с этим 30 августа 1920 года Слащев писал Врангелю: «Положение не только семейств, но и самого офицера безвыходное, они с отчаяния стреляются или бросаются на преступления. Причиной всего — невозможность жить на наши деньги, и если человек честен, то надо умирать».

Совсем плачевным было положение интеллигенции и служащих. Они получали в три—семь раз меньше рабочих и вынуждены были подрабатывать, чтобы не умереть с голода. Жалованье председателя Таврической губернской земской управы В. А. Оболенского было вдвое меньше, чем у наборщика подведомственной ему типографии. Профессора, инженеры и

учителя превращались в дворников, чернорабочих, грузчиков. А прокурор Севастопольского военно-морского суда генерал-майор И. С. Дамаскин вынужден был, как бедный студент, давать уроки, чтобы прокормить семью. Н. Н. Чебышев пишет о директоре департамента в Управлении торговли и промышленности, на службе получавшем 60 тысяч рублей в месяц, а как чернорабочий по подсчету кожи у себя же в управлении заработавшем за два дня 72 тысячи рублей.

В лучшем положении находились ремесленники, на чей труд существовал устойчивый платежеспособный спрос: крестьяне за необходимую им продукцию расплачивались продовольствием. Купцы имели стабильный доход от торговых операций. Промышленные товары были по карману только спекулянтам.

Профсоюзы действовали относительно свободно и могли оказывать материальную, юридическую и медицинскую помощь своим членам.

Работникам казенных предприятий выдавались денежные и натуральные пособия. Так, в сентябре рабочим, мастеровым и служащим казенных предприятий было выдано единовременное пособие; кроме того, они получили возможность заготавливать топливо в казенных лесах, а их хозяйственные организации стали снабжаться зерном из запасов Управления торговли и промышленности.

Еще 23 апреля Врангель издал приказ, где утверждал, что правительство стремится к установлению «такого порядка оплаты всякого труда, при котором, в связи с вздорожанием жизни, содержание повышалось бы автоматически, одновременно и в одинаковом для всех категорий служащих и рабочих размере».

Рабочим также выдавался продовольственный паек в половину армейского. Их обещали снабжать мануфактурой по льготным ценам, в размере до 10 процентов месячной заработной платы. Первоначально было решено открыть две лавки по льготной продаже мануфактуры в Севастополе.

В этом же приказе Врангель провозглашал: «В переживающую нами минуту тяжелых испытаний, только общим единением, общими силами всех русских людей может быть восстановлена Наша Родина. И я верю, что здоровый разум рабочего подскажет ему необходимость stoически перенести, быть может, последние минуты испытания. Сейчас и впредь вместе или к достатку и благополучию, или к бедности и позору».

Но уже 3 июня пришлось объявить новый приказ, где главнокомандующий признал, что предыдущий, от 23 апреля, «выполнен лишь на бумаге». Не было открыто ни одной ману-

фактурной лавки, выделенное рабочим продовольствие до них не дошло. Врангель приказал «произвести расследование для привлечения к суду виновных в бездействии и нерадении по службе», «в недельный срок открыть в районе порта... потребительскую лавку и раздать рабочим причитающиеся им продукты».

Двадцать шестого июня Врангель выступил на заседании совета с заявлением:

«Крестьянство в настоящее время с нами, с нами же и значительная часть интеллигенции. Иначе обстоит дело с рабочими, которые по-прежнему являются наиболее оппозиционным элементом.

Вследствие этого по рабочему вопросу нужны срочные меры: необходимо дать рабочим всё, что только возможно с государственной точки зрения. Это одна сторона дела. Вместе с тем необходима самая решительная борьба с забастовками. В этом отношении нельзя допускать никаких уступок. Наиболее правильною и решительною мерою борьбы в этом направлении надо признать создание независимости Правительства от возможных вспышек забастовочного движения, хотя бы в наиболее важных отраслях труда, каковыми являются: экспедиция заготовления денежных знаков, железные дороги, водопровод, электричество и ассенизация. Во всех этих отраслях необходимо немедленно подобрать кадры рабочих, которые могли бы заменить забастовщиков».

Как раз в это время в Севастополе на портовом заводе вспыхнула забастовка. Врангель приказал уволить всех ее участников, а забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Он предупредил, что в случае каких-либо беспорядков «расправа будет самая беспощадная». Несколько десятков зачинщиков мобилизовали в армию.

С забастовками и далее боролись репрессиями и использованием штрайкбрехеров. Кроме того, к выполнению военных заказов привлекали артели пленных красноармейцев. В результате сколько-нибудь заметных выступлений рабочих в Крыму при Врангеле не было.

Правда, насчет того, что «крестьянство с нами», Врангель всё же выдавал желаемое за действительное. Крестьяне, скорее, были не за и не против Русской армии, что само по себе уже являлось определенным достижением.

В те времена татарское население составляло примерно четверть всех жителей Крыма. 16 мая в Симферополе открылся созванный по приказу Врангеля татарский съезд (курултай). Из сорока четырех делегатов прибыли два десятка. Евпаторийцы приехать не смогли, поскольку армия реквизировала

подводы, а феодосийцы — из-за опасений грабежей на дорогах. Выступая на съезде, Врангель приветствовал татарское население Крыма, которое «неизменно и в настоящую тяжелую годину боролось за честь и славу матери-России». Он упомянул и об «удовлетворении культурно-просветительных и некоторых экономических нужд татарского населения», но ничего конкретного не сказал. А таврический губернатор Д. П. Перлик заявил, что ни о какой автономии речи не идет, в крайнем случае, можно рассчитывать на самоуправление в религиозно-просветительской сфере. Пример татарского съезда должен был показать другим народам и группам, добивавшимся автономии, что от Врангеля здесь ожидать особенно нечего. Соответствующий законопроект был готов только осенью. Он предусматривал «предоставление татарам самоуправления в религиозных, культурно-просветительных и финансовых делах», для чего должен был быть избран распорядительный орган в составе около шестидесяти человек. Но эти выборы провести уже не успели.

У многих военных и гражданских служащих к началу 1920 года семьи находились за границей. Как только ситуация в Крыму несколько стабилизировалась, они стали просить у Врангеля разрешить их близким вернуться. Главнокомандующий понимал, что их возвращение ухудшит продовольственное положение, а в дальнейшем затруднит эвакуацию, вероятность которой оставалась высокой. Однако отказ мог негативно сказаться на моральном состоянии офицеров.

Начальник Военного управления оценивал общее число русских беженцев за границей в 60 тысяч человек. 7 июня 1920 года было решено приступить к их депортации. При этом совет при главнокомандующем постановил, что «всем желающим беженцам предоставляется право возвратиться на родину одиночным или групповым порядком за собственный счет».

Беженцев предупредили, что в Крыму жизнь не сахар и что «правительство слагает с себя обязанность заботиться о дальнейшем их устройстве и обеспечении, а тем более об эвакуации за границу при каких бы то ни было обстоятельствах».

За счет казны перевозились: «а) боеспособные беженцы и их семьи, б) семьи военнослужащих, сражающихся в рядах Русской Армии, в) семьи лиц, состоящих на службе в Военных и Гражданских Учреждениях Вооруженных Сил Юга России и г) беженцы, находящиеся в особо бедственном положении».

Трудно определить, какое количество беженцев действительно вернулось в Крым, но, по всей вероятности, оно не превышало нескольких тысяч и не оказало принципиального влияния на ход эвакуации.

Надо отдать Врангелю должное — ему был совершенно чужд антисемитизм. Историк Ю. И. Гессен свидетельствовал: «Евреи Врангелем довольны. Врангель строго следит за погромщиками и приказал повесить перешедшего к нему от большевиков есаула с шестью сподвижниками за погромы в деревнях у Каходки». Барону пришлось принять меры против известного проповедника — отца Владимира Игнатьевича Востокова, чьи проповеди, по словам Петра Николаевича, «носили чисто погромный характер» и возбуждали толпу на «противоеврейские выступления». Приказом Врангеля запрещались «всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую или национальную рознь», а его нарушителей следовало высыпать из Крыма. С Востоковым Врангель поговорил по душам, после чего тот прекратил свои проповеди.

По оценке Н. Н. Чебышева, Врангель принадлежал к числу тех политических деятелей, для которых борьба была естественной стихией:

«...Чем непреодолимее было препятствие, тем охотнее, радостнее он на него шел. В нем был “боевой восторг”, то, что делало его военным от головы до пяток, до малейшего нерва в мизинце.

Но он был не только военным, не только военачальником, не только бойцом, рвущимся принять личное непосредственное участие в сражении. Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шахматиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела так, как он это благо понимал.

Он был очень умен, удивительно быстро и тонко разбирался в людях. Разбирался в каждом человеке в отдельности и в психологии больших соединений, именуемых массами. И природа вооружила разум стальной пружиной крепкой воли, а кроме того — тем духовным возбуждением, подъемом, с оттенком экстаза, который позволяет избраннику и видеть над головами других, и ярче, глубже чувствовать и хранить в неудачах незыблемость духа».

В целом Врангелю удалось наладить в Крыму дело гражданского управления, преодолеть продовольственный кризис, нейтрализовать противников белых, поднять дисциплину в армии, обеспечить поддержку белых со стороны Франции и добиться продолжения снабжения Русской армии Англией теми военными материалами, которые были закуплены еще при Деникине. Он смог также прекратить в Крыму незаконные реквизиции и грабежи. В этих условиях главнокомандующий

счел возможным вырваться из «крымской бутылки» и начать наступательные операции против большевиков.

Конечно, до создания в Крыму «опытного поля», которое должно было продемонстрировать остальной России, что без большевиков возможна нормальная, сытая, цивилизованная жизнь, было далеко. Да и едва ли возможно было в условиях Гражданской войны создать процветающий «остров Крым». К тому же Врангель, будучи человеком своей социальной среды, не смог в своей политике пойти на действительно радикальные реформы, способные удовлетворить основную массу крестьянства. Русская армия по-прежнему имела очень узкую социальную базу. Самостоятельно вести широкомасштабную борьбу с большевиками она не могла. Но начавшаяся советско-польская война дала Врангелю последний шанс на успех. Он, однако, смог воспользоваться им лишь частично, одержав ряд побед в Северной Таврии, но не сумев сокрушить мощь Красной армии.

Прежде чем перейти к описанию последних боев Русской армии под командованием Врангеля, остановимся на том, как взаимоотношения Врангеля и Слащева, важные для развития событий в Крыму, отразились в творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова.

ВРАНГЕЛЬ, СЛАЩЕВ И МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Соперничество Врангеля и Слащева оказало существенное, хотя далеко не решающее влияние на судьбу белого Крыма. Оно отразилось и в художественной литературе, и прежде всего — в лучшей пьесе Михаила Булгакова «Бег» о последних днях врангелевского Крыма и первых годах белой эмиграции. Врангель в этой пьесе фигурирует как Белый Главнокомандующий, а Слащев послужил прототипом ее главного героя — Романа Валериановича Хлудова.

Как известно, в эмиграции Слащев окончательно рассорился с Врангелем, которого обвинял в сдаче Крыма, и был уволен из армии без права ношения мундира. Земский союз предоставил ему ферму под Константинополем, где генерал разводил индеек и прочую живность. Однако, в отличие от военного дела, таланта к сельскому хозяйству у генерала не оказалось, доходов он почти не имел и сильно бедствовал со второй женой и дочерью.

Поэтому Яков Александрович готов был иметь дело с кем угодно. В сводке агентурных донесений от 25 ноября 1921 года, составленной в штабе главкома Русской армии уже после